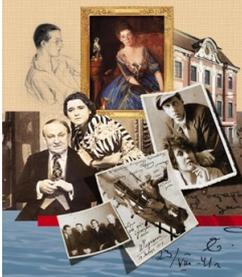

**МИР
ИСКУССТВА**
в доме на Потемкинской

**Валерий Константинович Шуйский
Кирилл Г. Булах
Татьяна Д. Булах-Гардина
Андрей Глебович Булах**

Мир искусства в доме на Потемкинской

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=637885

*Мир искусства в доме на Потемкинской: Центрполиграф; Москва; 2011
ISBN 978-5-227-02861-7*

Аннотация

«Если пройти от станции метро «Чернышевская» к Дворцу бракосочетаний, а потом миновать Дом малютки, то напротив входа в Таврический сад бросается в глаза живописный дом с островерхой крышей. На его фасаде находится мемориальная доска, оповещающая тысячи прохожих, что здесь жил народный артист СССР Владимир Ростиславович Гардин.

Режиссер и киноартист В.Р.Гардин основал 1-ю госкиношколу в Москве, постепенно превратившуюся во Всероссийский институт кинематографии – знаменитый ВГИК. Он, можно сказать, отец советского кино... Принадлежность Владимира Ростиславовича и его жены Татьяны Дмитриевны Булах-Гардиной к миру театра и кино, увлеченность супругов коллекционированием определяли круг их общения: артисты, режиссеры, искусствоведы, литераторы, коллеги по собирательству предметов искусства посещали этот дом...»

Содержание

Вступление	5
Самый первый в кино народный артист СССР	7
Старый режиссер и актер	7
Гардин из рода Благодоровых[2]	15
Жизнь артистов[4]	27
Я становлюсь актрисой	30
«Кастусь Калиновский»	36
Иудушка Головлева	43
Вдруг брата забрали в тюрьму	49
Тюрьма и вокруг нее	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Мир искусства в доме на Потемкинской

Составитель Андрей Булах

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Все о Санкт-Петербурге» выпускается с 2003 года

Автор идеи Дмитрий Шипетин

Руководитель проекта Эдуард Сироткин

Вступление

Если пройти от станции метро «Чернышевская» по прекрасному бульвару Фурштатской улицы к Дворцу бракосочетаний, а потом миновать Дом малютки, то напротив входа в Таврический сад бросается в глаза последний на этой улице небольшой живописный дом с островерхой крышей. На его фасаде, обращенном в сторону Потемкинской улицы, находится мемориальная доска, оповещающая тысячи прохожих, что здесь жил народный артист СССР Владимир Ростиславович Гардин.

Режиссер и киноартист В.Р. Гардин основал 1-ю госкиношколу в Москве, постепенно превратившуюся во Всероссийский институт кинематографии – знаменитый ВГИК. Он, можно сказать, отец советского кино. Угловой дом (Потемкинская ул., 9 – Фурштатская, 62) часто называют домом С.С. Боткина, профессора Военно-медицинской академии, известного собирателя произведений русского искусства. Коллекционером был и Гардин.

Принадлежность Владимира Ростиславовича и его жены Татьяны Дмитриевны Булах-Гардиной (по родству – моя тетя) к миру театра и кино, увлеченность супругов коллекционированием определяли круг их общения: артисты, режиссеры, искусствоведы, литераторы, коллеги по собирательству предметов искусства посещали этот дом.

Рассказать о своей семье и о наиболее интересных людях из ее окружения хотела сама Татьяна Дмитриевна. Замыслами она делилась с искусствоведом В.К. Шуйским и с хранителем семейных преданий Гардиных и Булахов – Кириллом Глебовичем Булахом, моим старшим братом. Тот и другой после смерти Татьяны Дмитриевны даже приступили к воплощению задуманного ею. Так появились первые наброски текстов, приводимых здесь. Однако и они ушли из жизни, не завершив начатого.

Я тоже давно собирался (по-своему, конечно) исполнить замысел Татьяны Дмитриевны, но мешали различные житейские обстоятельства. Внешним толчком для реализации моего намерения послужило наше с женой (Викторией Викторовной Кондратьевой) участие в праздновании 90-летнего юбилея ВГИКа 3–6 ноября 2009 года. Нас пригласили в Москву как людей, близких к В.Р. Гардину.

Его имя звучало, о нем говорили. Я понял, что он не забыт...

В этой книге две трети объема занимают выдержки из дневников Татьяны Дмитриевны.

О нем надо сказать особо. Предчувствуя близкую кончину, весь семейный архив (рукописи, письма, дневники Гардина и собственные) она просила не открывать в течение пятнадцати лет или сжечь, не читая. Срок запрета истек в 1988 году. Ценность ее записей – в поразительной искренности. Действительно, она писала только для себя. Кроме личностных переживаний и впечатлений они невольно во многом отражают общественные настроения и бытовой уклад в стране. Личное – это тоже частица общего. Полагаю, ее дневник – весьма любопытный документ ушедшей эпохи.

Мои благодарности. Прежде всего большое спасибо профессору Алевтине Петровне Чинаровой за приглашение меня и моей жены в Москву на торжества 90-летнего юбилея ВГИК'а, профессору Татьяне Николаевне Сторчак и особенно – молодой и прекрасной Елене Сибирцевой, окружившим нас в Москве своим вниманием и заботами. Именно эта поездка, в конце концов, побудила меня к созданию книги. Историк театра Вера Викторовна Сомина (Институт истории искусств РАН в Санкт-Петербурге), зная дневники Татьяны Дмитриевны Булах, сердечно поддерживала меня в моих творческих замыслах и много помогала мне в раскрытии деталей прошлого. Опубликование книги стало возможным благодаря издательской группе «Центрполиграф». Большую творческую помощь оказали мне редакторы Эдуард Яковлевич Сироткин и Владимир Николаевич Середняков, верстальщики Татьяна

Шамаева и Елена Новгородских; все сотрудники редакции относились по-особому внимательно к работе над подготовкой рукописи к ее изданию. В Центральном архиве литературы и искусства в Санкт-Петербурге Егор Михайлович Кривда помог мне правильно оформить и передать на хранение материалы Гардиных.

Профессор СПбГУ

Андрей Булах

Ушли одни и умерли другие,
И только в вас, мои листы,
Живут друзья, желания, мечты,
Когда-то близкие, когда-то дорогие...
Какой бы малый след ни провела
На карте нашего огромнейшего века
Жизнь одного лишь человека,
А все же карта без него б была
Иной, чем та, что будет жить века!
Татьяна Булах

Самый первый в кино народный артист СССР

Старый режиссер и актер

Владимир Ростиславович Гардин – самый первый в кино народный артист СССР. Он получил это звание в 1947 году, умер в 1965-м. Давно...

Как представить себе В.Р. Гардина в движении, с мимикой, жестами, словом, в жизни?

Как артиста его легко увидеть в фильме «Иудушка Головлева» (компакт-диск продается в магазинах). Наверное, некоторым запомнился недавно промелькнувший на экране композитор Бах в его исполнении в фильме «Антон Иванович сердится». В коротком эпизоде он выходит из портрета на стене и с приветливой улыбкой говорит о своей любви к новой, но красивой музыке, отвергая шлягерные примитивы Керосина Керосиныча (гротескно сыгранного Мартинсоном).

Образ Толстого – лживого дипломата, жестокого истязателя – запоминается в нескольких эпизодах фильма «Петр Первый», его периодически показывают по телевидению. Также иногда проскальзывает на телеэкранах фильм «Дубровский». На мгновение в нем появляется князь Верейский – живой, подвижный, но холодный в своей приветливости – сыграно тонко, правдиво, абсолютно естественно. Здесь он неподдельный аристократ.

А в такой же верной роли слесаря Бабченко Гардин известен всем знатокам старого кино в одном из первых советских звуковых фильмов «Встречный».

Ф. Эрмлер и В. Гардин перед съемкой

«Яркий характерный актер... – так пишет историк кино Р.Н. Юренев¹. – Однако вклад Владимира Ростиславовича Гардина в киноискусство, которому он отдал всю долгую жизнь, гораздо значительнее». И далее: «Он родился... за десять лет до появления кино, за двадцать

¹ Юренев Р.Н. Актер, режиссер, литератор. К 100-летию со дня рождения народного артиста СССР В. Гардина // «Советская культура». 18 января 1977 г. № 6.

лет до первого русского художественного фильма. Он скончался в глубокой старости... когда звуковое, цветное, широкоэкранное кино... неотторжимо вошло в жизнь... и через телевидение осветило каждый дом, каждый день...

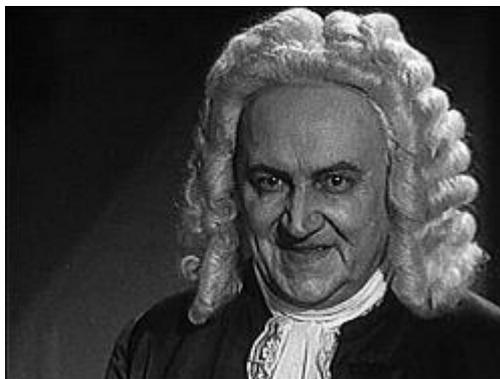
Старый артист, известный своим колючим характером, прямоотой и резкостью суждений, пристрастностью симпатий и разнообразием заслуг, пристально, ревниво следил за творческими свершениями учеников своих учеников, прославленных мастеров, годившихся ему во внуки. Была прожита длинная и нелегкая жизнь, знавшая и шумные успехи, и горестные неудачи, и несправедливые упреки, и неумеренные похвалы. Более полувека он отдал кино, пятнадцать лет – театру, лет двадцать – литературному труду.

Выходец из дворянской среды, он учился и в кадетском корпусе, и в Политехническом институте, был акцизным чиновником, но любил лицедейство, театр. Шаг с любительской сцены на профессиональную был сделан как-то просто и незаметно. И пошло мелькание городов, антреприз. Среди ролей были и Подколесин, и Федор Карамазов, и Иван Грозный, и Кругстад. А Норой была Комиссаржевская. В ее театре Гардин узнал первые триумфы. А потом – снова провинция: чеховский Иванов, Кречинский, Арбенин, Протасов... Много ролей и много самостоятельных постановок. Как интересный, вдумчивый режиссер Гардин и был приглашен в 1913 году в кинематограф. Вместе с известным уже режиссером Яковом Протазановым он поставил фильм по нашумевшему роману Вербицкой „Ключи счастья“.

Кадр из кинофильма «Встречный»

Вместе с Протазановым Гардин отважился даже на экранизацию „Войны и мира“... Имя Гардина получает широкое признание за картины „Анна Каренина“, „Крейцеров соната“, „Дворянское гнездо“, „Накануне“, „Приваловские миллионы“, „Дикарка“, „Барышня-крестьянка“, „Мысль“ и „Дни нашей жизни“...

В. Гардин в роли Баха

...В 1919 году он делает два документальных фильма: „Похороны Свердлова“ и „День коммунистической молодежи“. В 1919 году экранизирует „Железную пяту“ Джека Лондона и возглавляет Государственную киношколу, позднее выросшую в первый в мире киновуз – ВГИК.

Это был неоценимый вклад в молодую советскую культуру. Студенты Госкиношколы под руководством Гардина создали и первый советский полнометражный художественный фильм „Серп и молот“ – о войне и революции, о голоде и продрозверстке, о первых шагах социализма. Ученик Гардина Всеволод Пудовкин создал первый кинематографический образ большевика.

Умея распознать и выдвинуть талант, Гардин через несколько лет выдвинул еще одного крупного актера и режиссера: Евгений Червяков сыграл в фильме Гардина „Поэт и царь“ роль Пушкина. На фильм нападали. Гардина считали носителем дореволюционных традиций. И он действительно вносил в молодое искусство кино традиции русского искусства. Их сгоряча называли „дореволюционными“. Их вернее было бы назвать культурными традициями.

В. Гардин в роли Верейского

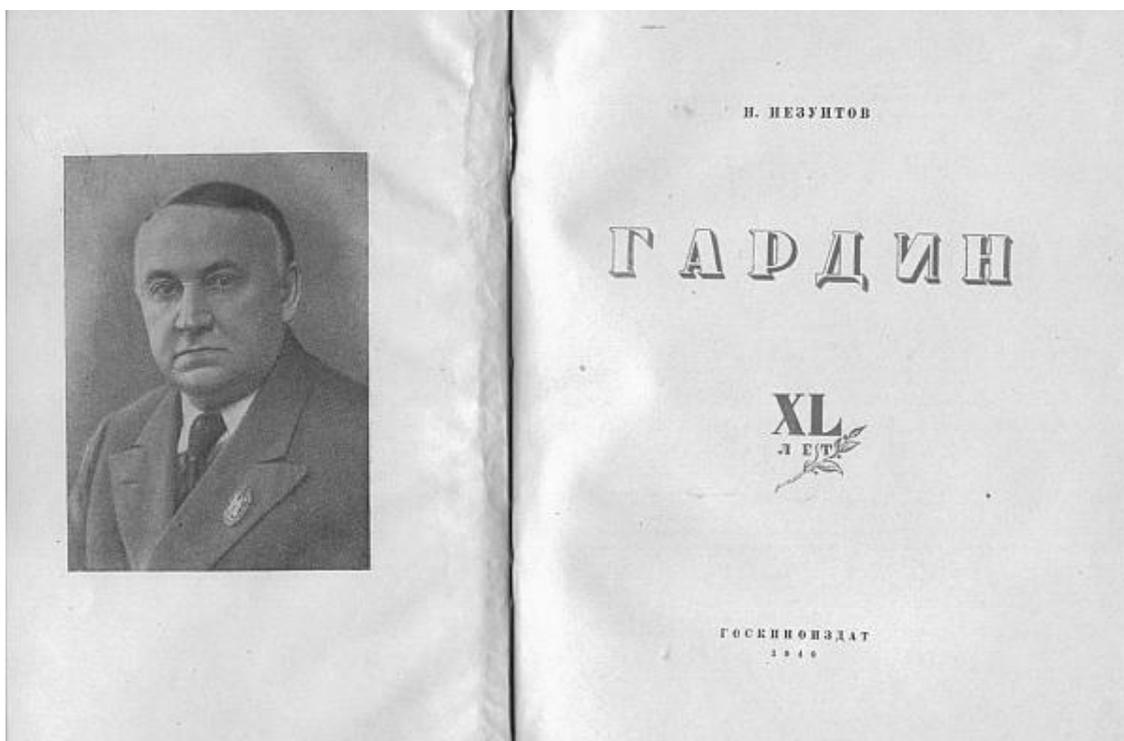

Первый Пушкин в кино – артист Е. Червяков

Эти традиции Гардин нес не только в русское кино. С образованием Советского Союза начала развиваться кинематография союзных республик. И старый русский артист щедро отдавал свои знания, опыт, мастерство сначала Украине („Слесарь и канцлер“ по пьесе Луначарского, „Атаман Хмель“, „Остап Бандура“), потом Белоруссии („Кастусь Калиновский“,

„Песня весны“ по повести Якуба Коласа). Из русских картин Гардина следует назвать „Крест и маузер“ – увлекательный приключенческий фильм, „Особняк Голубиных“ – один из первых научно-просветительных фильмов.

Режиссерскую деятельность Гардин удачно сочетал с актерской. Начиная с 1929 года, он создает по четыре-пять ролей на разных студиях, у разных режиссеров – у Червякова („Города и годы“), Шенгеля („Двадцать шесть комиссаров“), Тимошенко („Снайпер“). Это сложные, реалистические характеры. Одним из первых киноактеров Гардин начал играть в звуковых картинах. Старая театральная закалка помогла. И когда Эрмлер и Юткевич неожиданно для всех поручили Гардину роль потомственного питерского пролетария Бабченко в фильме „Встречный“, актер блеснул свободным и гибким обращением с интонацией, тембром, словом. На удивление коллегам, старый артист ходил на Путиловский завод, дружил с рабочими-ветеранами, пытался работать на станке. Образ Бабченко вышел на редкость жизненным, сочным.

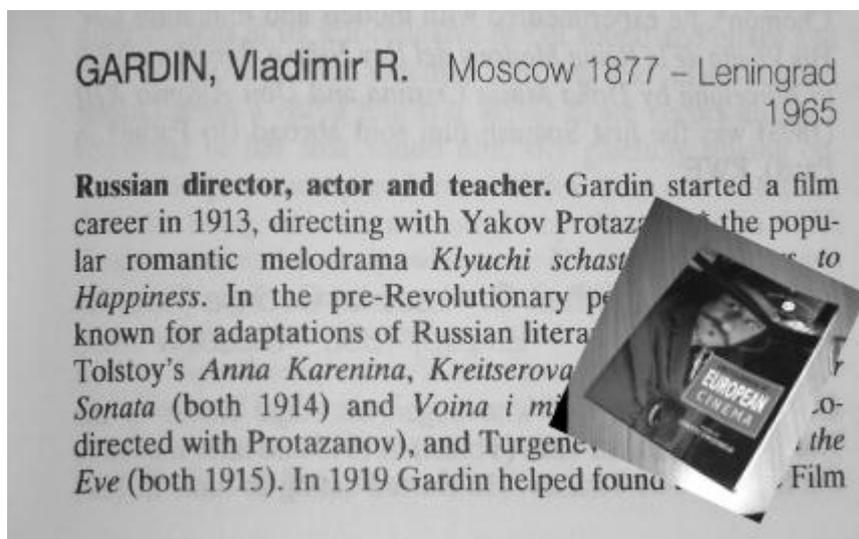
И. Иезуитов. Гардин. XL лет.

И сразу же после Бабченко Гардин создал образ, полярно противоположный и по идее, и по внешности, и по сущности характера – Иудушку Головлева. ...Иудушка в исполнении Гардина стал рядом с Шейлоком и Тартюфом.

Лучшее из сделанного им за долгую трудовую жизнь навечно вошло в историю нашей культуры» – здесь я закачиваю цитировать Р.Н. Юренева.

Сам Гардин рассказал о своем времени и о себе в двух томах своих «Воспоминаний» (М., Госкиноиздат. 1949, 1952) и в книге «Жизнь и труд артиста» (М., Искусство. 1960). Есть две книги (И. Иезуитов. Гардин. XL лет. М.: Госкиноиздат, 1940; В. Ждан. Народный артист СССР Владимир Ростиславович Гардин. М.: Госкиноиздат, 1951) и громадное число статей и других публикаций о нем. Среди них очень интересен очерк С.С. Кары в его же, Кары, книге «Вкус правды» (Л.: Лениздат, 1979. С. 117–175).

Полная фильмографическая справка о работах В.Р. Гардина приведена в Жданом в книге из серии «Мастера советского кино»: Народный артист СССР Владимир Ростиславович Гардин (М., Госкиноиздат, 1951. С. 39–40).

Статья о В. Гардине в английской киноэнциклопедии

В общих энциклопедиях, в специальных справочниках и обзорах имеются статьи о Гардине. В октябре 2007 года в Швеции, в небольшом городе Фалун я пришел в библиотеку – просто посмотреть, как здесь «горит» этот очаг культуры. Библиотека оказалась обширной, просторной, с прекрасным оборудованием и электронным обслуживанием посетителей, со свободным допуском ко всему книжному и журнальному фонду библиотеки, с креслами и столами для удобной работы тут же, прямо у книжных полок, с большими комнатами для юных посетителей. На столиках и витринах лежали наиболее ходовые издания. На стеллажах с книгами о кино я обратил внимание на новенькую английскую киноэнциклопедию. И в ней нашел по алфавиту статью о Владимире Гардине. Он назван одним из основоположников советского киноискусства.

Владимир Ростиславович Гардин умер в 1965 году от старости после долгого недомогания. Он похоронен на Богословском кладбище. Чтобы в обычном смятении горя и непонятных хлопот быстро получить разрешение на это, брат предпринял авантюрный демарш: он вместе со мной прошел по своему партийному билету в Дзержинский райком КПСС прямо к секретарю райкома со словами: «В вашем районе скончался коммунист Гардин, лично встречавшийся с Лениным в Женеве и впервые снявший документальные кадры о нем на Красной площади в Москве. Нам надо получить вашу визу на просьбу о похоронах именно на Богословском кладбище». Через две минуты мы уходили с росчерком пера на нашей просьбе о «коммунисте» Гардине. Райкома давно уж нет, в фешенебельном особняке Кельха располагается «Дом юриста», место райкомовской столовой занял ресторан. А территория управления городского треста по похоронам, что была на Владимирском проспекте, тоже отдана под ресторан, он очень-очень роскошен.

Место для могилы выбирал я, она находится на Петрокрепостной дорожке, в ее начале. Похороны были скромными и малолюдными. Из артистов запомнился только всеми любимый типажный киноактер А.М. Смирнов, он пришел и на Потемкинскую улицу на поминки. Могила была специально оформлена крайне скромно и лишь с указанием имени, отчества, фамилии, но позднее, по настойчивому совету кинорежиссера И.Е. Хейфица, пришлось

положить снизу небольшую мраморную доску «народный артист СССР». А потом рядом вырос громадный бронзовый памятник скульптору Симонову.

2 мая 2006 года, когда я вместе с женой пришел на Богословское кладбище, оказалось, что в апреле осквернили около ста могил – в разных местах кладбища надгробные памятники какие-то нелюди размашисто измазали тавотом. Этот вандализм коснулся и могилы Владимира Ростиславовича. Времени прошло немного, а потому мне удалось смыть тавот растворителями.

Город отпустил Богословскому кладбищу средства на устранение следов безобразия. Я подал необходимое заявление, смотритель заверил меня, что могила народного артиста СССР Гардина находится на особом учете. Представьте мое удивление и благодарность, когда в октябре 2010 года нам позвонили из администрации Бого словского кладбища и очень вежливо пригласили принять выполненные работы (ремонт ограды, укрепление надгробия и т. д.) и подписать соответствующий акт. Сделали как сумели. Спасибо им.

Могила В. Гардина на Богословском кладбище

Меня уже давно беспокоит мысль о том, что не случайно нам приходится хоронить всех порознь – так у детей и внуков легче стирается память о своих корнях, а управлять народом со смытым прошлым проще. У меня – восемь могил родственников в Петербурге на четырех кладбищах в разных местах. Как посетить их все, как уследить за ними? А есть еще могилы в Москве, Одессе, Канаде, Германии, Франции. Как собирать членов семьи на всех кладбищах хотя бы в Петербурге? Так рвутся связи с родителями и прародителями, так молодые люди отрываются от своих истоков. Уже стариками они начнут искать свое прошлое.

Быть может, скоро вовсе некому будет ухаживать за могилой Владимира Ростиславовича. Что станет с ней? Прямых потомков, видимо, нет: сын, Юрий Владимирович Гардин, исчез из жизни отца в годы блокады, отец был уверен в его смерти. Он так написал 8 июля 1944 года, в субботу, в своем дневнике:

«В столовой говорил с Бродяжским. Он и Залман Соломонович Бриккер решили дело издательства моих трудов о кинематографии поставить на деловую ногу.

Концерт был в том госпитале, где выздоравливал Юрий. Печальные воспоминания! Я был там много раз. Он встретил меня в сером халате, худой, еле ковыляющий, сгорбленный. Сидели летом во дворе. Карточки я передавал ему в окно. На моих глазах он поправлялся. Говорили о многом. Как он хотел, бедняжка, жить! Но самого себя побороть не мог. В меня не верил, потому что эту веру сам убил.

Я не расстался бы с ним (*так – через „з“* – А. Б.), если бы хоть на короткое время почувствовал какое-нибудь родство души... Но душа его была замкнута в своих переживаниях... И только в своих.

Он хотел эвакуации во что бы то ни стало. Много дней я устраивал ему ее. Жестко он вел себя в эти дни... Но ведь он был больной, тяжело больной, смертельно больной – и телом и душой. А потому ему все простительно. Я не мог почувствовать его судьбу, даром предвидения не награжден. Я помогал ему эвакуироваться. Значит, не зная, приближал его к смерти.

„Прощайте, мои добрые серые глаза“ – это его последняя просветленная фраза. Что он чувствовал, бедняга! – „Я погиб!“ – он говорил, когда не досчитался 1/2 кило хлеба. А у меня под рукой его небыло (*так – вместе* – А. Б.). Но погиб он не от этого. От судьбы! Как погиб? Не узнаю никогда, не узнаю... Разве только, там... Куда я пойду. Куда придут все. Если существует это „ТАМ“!.. Пожалуй, должна существовать новая форма жизни... Только мы ее не знаем... Но мы не знаем слишком много (*так, через „в“* – А. Б.)... Мы не знаем почти что ничего. И это незнание оправдывает меня, что я не создал условий, в которых Юрий мог бы оставаться в Ленинграде.

Он уехал 16 июля 1942 года. Нужно точно установить дату по дневникам Тани.

Прощай, мой милый мальчик, сын, мой единственный кусочек тела с моей кровью. Не суждено продолжить род Благодановых-Гардиных. Значит, это не нужно...

Прощай, друг Юрий, ты мог бы быть моим другом, но не хотел. Почему не хотел, я тоже не знаю... Прощай, Юрий! Вот уже через несколько дней [будет] два года, как о тебе нет никаких вестей. Значит, ты погиб! Если ты существуешь в иной форме, дай мне это хоть почувствовать, прошу тебя!»

11 февраля 1945 года Татьяна Дмитриевна записала в своем дневнике: «Вчера узнали, что Юрий Владимирович Гардин благополучно приехал три года назад в Паршино и все время работает на своем оптическом заводе».

Только вдруг и единожды Юрий Владимирович проявился, прислав из Алма-Аты телеграмму на Потемкинскую, когда узнал из газет о кончине отца. В телеграмме (она хранится в ЦГАЛИ в фонде В.Р. Гардина) звучали благодарность ему и дружественные слова в адрес Татьяны Дмитриевны. Затем Юрий Владимирович снова исчез.

9 июня 2010 года я нашел в интернете на сайте <http://lists.memo.ru> такие сведения о Ю.В. Гардине:

«Жертвы политических репрессий: Гардин Юрий Владимирович. Родился в 1905 г., инженер-испытатель цеха № 13, завод № 393 Министерства вооружений СССР. Проживал: Московская обл., Красногорск, Красная горка ул., 6. Источник: Книга памяти Московской обл. Замечания и вопросы просим присылать по адресу: 127051, Москва, Малый Каретный пер., д. 12. Общество „Мемориал“, проект „Жертвы политического террора в СССР“. E-mail nirc@memo.ru. Тел. 650-78-83, факс 609-06-94».

Гардин из рода Благонравовых²

Очень часто неизвестное об известных людях становится явным лишь через многие годы после их ухода из жизни.

Прошло уже много лет после смерти народного артиста СССР Владимира Ростиславовича Гардина, но до недавних пор мало кто знал настоящую его фамилию – Благонравов. Взятый еще в конце прошлого века сценический псевдоним стал официальной фамилией не только для его сына, жены, но и даже для отца – отставного подполковника Ростислава Федоровича Благонравова. Старый гусар через ЗАГС принял эту фамилию после 1917 года. И был этот уход от родового, ничем не опозоренного имени данью страшному времени революционной борьбы с «проклятым» прошлым. «Подозрительную» и известную русскую фамилию заменила приемлемая для нового безнационального быта. Она если и не помогала, то хотя бы не мешала выживать, а в кинематографии прославилась.

В. Гардин с Т. Булах-Гардиной в квартире на Потемкинской. В руках у Гардина статуэтка работы В. Лишева. 1945 г.

Последний раз В.Р. Гардин снимался в 1950 году в фильме «Секретная миссия». Было ему уже за семьдесят, и совмещать съемки с работой над воспоминаниями, задуманными еще до войны, стало трудно. Первую книгу удалось издать через четыре года после Победы, вторую – еще через три года, а третья осталась в рукописи. В 1956 году болезнь свалила Владимира Ростиславовича, а подняться уже не удалось. Работу закончила Татьяна Дмитриевна Булах (Гардина), бывшая соавтором своего мужа.

Татьяне Дмитриевне пришлось трудиться не только над рукописью. Вместе с врачами ей удалось подарить Гардину еще девять лет жизни. Дни и недели полубессознательного состояния сменялись часами и днями просветления, пробуждением интереса к телевизионным передачам, а иногда даже – способностью совершать небольшие прогулки на автомо-

² См.: Кирилл Булах. Гардин из рода Благонравовых // «Ленинградская панорама». 1991. № 3. С. 26 – 28.

биле. Нечасто, но случались дни, когда Владимир Ростиславович мог читать и диктовать, работать над рукописями.

Умер Владимир Ростиславович – народный артист СССР, трижды орденосец и кавалер гордой медали «За оборону Ленинграда» (Героев Социалистического Труда в его годы артистам еще не давали) – на восемьдесят девятом году. Татьяна Дмитриевна умерла через восемь лет – 13 мая 1973 года. Она тоже прошла блокаду, была актрисой театра и кино, верной помощницей в трудах своего знаменитого мужа. Перед смертью, скорую неизбежность которой она предчувствовала после тяжелого инфаркта, Татьяна Дмитриевна просила меня сохранить оставшиеся у нее рукописи, письма и дневники Гардина, не открывая их в течение пятнадцати лет, или сжечь сразу, не читая.

Прошли указанные сроки, и я счел себя вправе прочесть их.

Бумаг этих оказалось не так уж и много. Собранные в довоенные времена Владимиром Ростиславовичем папки с афишами, рецензиями, театральными справочниками, многочисленными фотографиями Татьяна Дмитриевна сдала в отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки. Остались все ее дневники и несколько начатых, но не доведенных до развязки рассказов из жизни Гардина разных лет, а также записи о событиях периода блокады и первого послевоенного года, наброски повести о его сыне Юрии Владимировиче, погибшем (как он считал) при переправе через Ладогу в 1942 году. Не по литературному жестокости его обрывочные описания блокадной зимы, госпиталя для дистрофиков, где лежал его сын.

...Среди бумаг, оставшихся после Владимира Ростиславовича, было довольно много разрозненных, разноформатных листков, бессистемно вложенных в совершенно другие, безобидные по смыслу записи. Когда я сложил их в отдельную стопочку и расшифровал, то понял, что в ежовские и даже в брежневские времена хранить их вместе было безрассудно.

Но мысли его, определенный душевный настрой не могли не повлиять на близких ему людей. Самый же близкий человек – жена Татьяна Дмитриевна. Ее понимание окружающего было еще более болезненным. Она сполна прочувствовала голод, холод первых после-революционных лет, расстрелы близких, распад культуры, стирание из человеческой памяти прошлого.

Т. Булах-Гардина

Гардин размышлял и писал философские рассуждения об окружающем, а Татьяна Булах писала страстные стихи. Опубликовать их в те годы было нельзя. Да и просто показать их кому-нибудь было страшно. Хранились они разрозненно, на отдельных листочках. Осторожный Гардин к наиболее опасным стихотворениям предусмотрительно делал «маскирующие» приписки. Так, к названию стихотворения «Узники», написанном в 1932 году, рукой артиста было приписано «в фашистской Германии». Такое «уточнение» стоило сделать:

Тюрьма для душ страшней тюрьмы для тел.
И этот ужас – наш удел.
В застенках сердца ненависть растет,
Упорная, как терпеливый крот.
Все роет, роет... Нет уже угла,
Где б эта ненависть следа не провела.
Но все молчим, а в горле слов комок
Сливается в тугой, затянутый клубок.
И в сокровенной, черной глубине,
На медленном, негаснущем огне
Проходит любящий, внимательный закал
Наш друг единственный – негнувшийся кинжал.
Нам только он блестящим лезвием
Порою освещает дом,
И в нем одном отражено
Души клокочущее дно.

Молчание становилось все более гнетущим, а после убийства Кирова – вообще невыносимым. Борьба против «врагов народа» обернулась страшной стороной духовного убий-

ства их детей. Сталинская формула «сын за отца не отвечает» вылилась в частые отказы детей от родителей, заподозренных партией, в душевные трагедии только начинающих жить мальчишек и девчонок.

В. Гардин

Подобная трагедия произошла и в моей жизни. Отца из партии исключить не могли, потому что он был беспартийным. И в газетах о нем ничего не писали. Появилась, правда, восторженная статья о первом советском железобетонном доке и его творцах, не называвшихся в статье по именам, совершивших трудовой подвиг во славу «великого зодчего». О том, что главный инженер и одновременно начальник строительства – мой отец Глеб Дмитриевич Булах – в эти дни арестован якобы за вредительство, в статье, конечно, не сообщалось.

В троцкизме моего отца обвинить было трудно. Но следователь добивался признания отца в принадлежности к какой-либо контрреволюционной организации. Методы тех расследований теперь стали хорошо известны, так что неудивительно, что отец сам искал эту «принадлежность» и, наконец, признался, что до революции был кадетом. Он действительно в детстве прошел полный курс обучения в Николаевском кадетском корпусе, готовившем своих выпускников к обучению в военно-инженерных училищах. И следователь с чистой совестью мог написать в протоколе, что арестованный признался в принадлежности к партии КД (Конституционных демократов), в просторечье членов ее называли «кадетами». Поэтому одноклассники не имели морального права звать меня сыном троцкиста. Но клички «вредитель» мне избежать не удалось.

Следствие по делу отца тянулось полтора года³. Ежова за это время сменил Берия. Помог и систематический нажим Гардина, не боявшегося ходатайствовать об отце. Моего отца осудили всего на пять лет, выслали в Казахстан, где он работал главным инженером

³ Все потом будет рассказано самим Глебом Булахом в его «Записках инженера» во второй книге – «Радость жизни. Тюрьма» (СПб, 2008).

на строительстве моста через реку Или. А после конца срока высылки он даже смог надеть военную шинель: в звании рядового, с трехлинейной винтовкой в руках руководил строительством участка одной из военных дорог в Иране. Отправить его на германский фронт сапером все-таки не разрешили, как и не присвоили даже сержантского звания доценту и кандидату технических наук.

В конце июля 1939 года Гардин предпринял попытку ведения дневника. Листки, испи-санные каллиграфическим почерком, имели название «Жизнь или раздумья сумасшедшего». Так он, вероятно, пытался обеспечить себе какое-то оправдание, если бы кто-нибудь из «органов» разложил по порядку вырванные из амбарной книги и разбросанные как попало листы. Гардин писал:

«Начинаю первый в моей жизни дневник. Хочу назвать его дневником моих мыслей, потому что событий и происшествий так много, что, пожалуй, их все не запишешь. Да и без меня на это люди тратят тонны бумаги. Ну и врет же эта бумага, особенно – газетная! Но от нее, по крайней мере, есть хоть одна несомненная польза – ее утилизация. А что делать с ложью по радио! В какую фановую трубу ее девать!

К мыслям о человеческой лжи я буду часто возвращаться. Вот уж действительно сто-головая гидра, с которой трудно будет сражаться. Но попробовать нужно: интересно – я ведь фехтовальщик.

Хочу печататься. Пишу и собираю материалы о себе. Очень много набралось папок с записками и фотографиями. Жизнь, слава Богу, большая.

..Гитлер вместо Бога говорит: „Провидение“. Об этом мы услышали недавно, когда, подружившись, стали печатать его речи. Провидение, конечно, было печатано с маленькой буквы. В знак недостаточного почтения.

Я уклоняюсь выражать неуважение и непочтение философским символам, которые еще не отвергнуты человечеством, по той простой причине, что никто еще не доказал отсут-ствия в нашем бесконечном мире Провидения. Может быть, Бесконечность и есть Провиде-ние! Поэтому я смело пишу с больших букв эти замечательные и непонятные слова (у нас в названии „Комитет по делам кинематографии“ стараются все слова писать с больших букв, а председателя – тем более! Эти слова понятны. Почет и уважение оплачиваются. Подхалим-ство – самая модная и самая заразительная болезнь».)

Примерно через два месяца, когда шла уже война в Польше, Владимир Ростиславо-вич записал настолько крамольные мысли, что из-за них, видимо, и разброшюровал тетрадь набросков:

«Изумительно объединение мельчайших телесных частиц, ощущаемых и управляемых внутренней силой – духом. Временно ослабляется и частично выключается эта сила во сне. Перерождается или уничтожается (что из этого верно, человеку неизвестно) ощущение жиз-ненной силы в смерти. Сохранение внутренней силы и управление ею дают долгую жизнь. Следовательно, самоуправление – вот стимул продолжительности жизни!

Основа самоуправления – это дух.

Невидимая наличность духа – это аксиома, то есть положение, не требующее доказа-тельств. Поэтому все философские системы, не признающие материалистически существо-вания самоуправления, ложны! Ложь эта необходима, чтобы оправдать действия так назы-ваемой материалистической системы управления.

Коммунизм утверждает материализм и является пропагандой насилия. Мне – все. Вам – ничего (или очень мало). Признающие такой образ жизни стремятся захватить власть повсюду.

Власть – это насилие. Во все века и теперь – тоже. Сравните жизнь „Кремля“ с обык-ной жизнью советского гражданина – и вы увидите, что такое „все“ в сравнении с „очень малым“, вы почувствуете во всем наличие насилия – все его положения, отвергающие рекла-

мируемые „Кремлем“ свободу, равенство, братство. При коммунистическом управлении эти утверждения выключаются и с успехом заменяются принуждением, неравенством, притворством. То есть заменяются ложью! Ложь повсюду: в каждом произносимом и печатаемом слове! Эта ложь уже уничтожила миллионы жизней, сопротивлявшихся грабежу. Смерть сопротивлению! Полное уничтожение! Это – путь к власти.

Экспроприация (ограбление) экспроприаторов (что-то имеющих) – вот слова и манифест насильников. А все остальное – ложь!

Но „ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами“ и „слово – серебро, а молчание – золото!“. Молчи же и познавай только величие и силу Вселенной. Возражать некому!

Ничтожно у нас количество людей, оставшихся живыми, которые знают эти правдивые слова о натуре насильников, и по праву молчат... кто палку взял, тот и капрал...

Право – это классификация отдельных моментов поведения человека, наносящего ущерб или могущего нанести его тем основным теоретическим установкам организации насилия, которые сочиняются „спецами“ этого творчества по заданию диктатора или диктаторов. „Спеццы“ выполняют это задание более или менее удачно, приспособляясь к текущим моментам, оглядываясь очень часто по сторонам и в лицо своему (или своим) хозяину (хозяевам). Вот почему так называемые законы, кодексы – это просто сборники кабинетного творчества спеццов-юристов, по большей части компилятивного качества, которые так часто на нашей планете изменяются, отменяются, выворачиваются и переворачиваются.

Люди, не изжившие свою звериную природу, руководствующиеся насилием, грабежом, убийством сильными и вооруженными слабыми и безоружными, до сих пор свои споры разрешающие только взаимным уничтожением, эти насильники, захватившие власть, по-разному применяясь к своим рабам, диктуют законы и создают кодексы... Право эфемерно.

[9. VII. Среда.]

1. «Венский». В Тучеве. Зеркало на стене в
дальнем конце расписаны 12000 + 10.000 в банке.
Меню: Каштановая, Горюховая, Термоядерная
Он сегодня говорит о семье и ЧРД.
Обедает в «Северном»
И обед у Михаила Ивановича (Саратова).
Обедует с друзьями в Мотвилеве.
Коллекция редких в Мотвилеве за стеклами.
Коллекция редких у «Надворья»
Грубова. Чужой атмосфере. За этого
обратно на работу.
За вечером пошел в м. З. 7000.
Давно не отапливал!
Коллекция редких в Москву в отапливал.
Товары в Заурочии. О. 1000.
Как это всё надо!
[10. VII. Четверг.]

- 1/ Лалутин.
- 2/ Мотвилев ✓
- 3/ Надворья

Автограф В. Гардина

Мировоззрение. Все теории мы строим, конечно, для себя. Возникая в нас, теории переключаются на других.

Теория и практика должны разбегаться не более чем в мировом масштабе, но инерция обыкновенно хлещет дальше, загоня творца теории в неисследованные пространства эфира. Такой необозримый охват напоминает о необходимости одернуть увлекшегося теоретика, и тот спешит страусиной позой замечтавшегося скрыть пренеприятный запах, распространяющийся из-под его хвоста. А это – запах пещерного человека-зверя, расправляющегося дубинкой со своими врагами из-за каждого слагаемого, входящего в крайне усложненную историей таблицу наипростейших благ. Эти блага, это меню из вкусных блюд жизни имеет громадную литературу, словари и справочники, сложнейшие правительственные аппараты, защищающие эти „культурные завоевания“.

На деле же – тот же самый кусок мяса, который дикарь до сих пор рвет руками, у теоретиков имеет бесчисленные названия в поваренных книгах, украшается художественными виньетками, а практики-повара устраивают из обыкновенной пищи произведения искусства. В итоге же все ухищрения, действующие возбуждающе на наши органы чувств, мало изменяют качественный состав пищи, одинаково переваривающийся в желудках дикаря и просвещенного европейца.

Кому нужна эта кухня? Зачем этот жареный кусок мяса, проходя через кулинарные ухищрения, принимает почти фантастические наименования? Почему простые и простейшие потребности человека укрываются томами сложнейших теорий? Почему всякое властвование прикрывается дымовыми завесами обожествления власти?

Всякий вождизм стремится создать ритуалы обычно магического качества, чтобы подпереть своего вождя всерьез и надолго. „Грабь награбленное!“ – лозунг простейший, который почти не требует разъяснений. Второе слово в нем – награбленное – это уже от лукавого, от „теории“, от „кухни с приправой“. Во все революционные времена оно приклеивалось вначале, но немедленно отрывалось, когда при грабежах приходил аппетит. Во времена следовавшего за переворотом просперити этот вульгаризм ужасно шокировал. Он ведь контрреволюционен, поскольку неудобно вспоминать о веревке и наступать сапожищем на мозоль.

И вот на помощь спешит изощреннейшая кухня – диалектика. Вертела теоретиков зажаривают куски обыкновеннейшего мяса, в лакейском экстазе обожествляя их. Все искусства наперебой стараются доказать божественную фактуру этих кусков, но мясо остается мясом, водка же – водкой, а не нектаром.

К чему этот обман! Ясно: для того, чтобы подольше жевать вкусные кусочки и куски диктатуры – власть...

Не является ли следствием этого желание ничему уже абсолютно не верить, ничто не принимать за аксиому, все нагромождения теорий, всю культуру брать на пробу: нет ли здесь реакции на насилие!

И первое, что необходимо взять на пробу, – это теория о классах, о социальном неравенстве, которое будто бы когда-то должно стать равенством, уничтожив классы...»

Владимир Ростиславович к концу 1939 года уже был готов писать автобиографическую книгу: все необходимое собрано, приведены в систему воспоминания о театральной и кинематографической работе, составлен развернутый план и сделано множество набросков отдельных эпизодов. Надо садиться за рукопись. И тут его на седьмом десятке лет жизни вдруг одолевает гамлетовский вопрос.

«...Если человек долго засиделся на этой планете, то что он может рассказать юным путешественникам по нашей земной поверхности? И почему именно юным!

Старые жители (аборигены) вряд ли будут его слушать. Они сами любят рассказывать, никого не слушая и все забывая. Они тоже засиделись... Сами все знают... А если и не знают, то не любят поучений... Ворчливы и трусливы.

Для пожилых с хорошим характером рассказы эти – „на сон грядущий“; для плохого же желудка лучше карболен, то есть средство от кишечного дискомфорта, а не размышления о жизни.

Людам среднего возраста почти всегда слушать некогда: время – деньги!

...Слушать будут лишь те, кому еще интересна эта жизнь, кто хочет в ней покувыркаться. Физкультура – для молодежи!

Только будет ли ей интересна моя жизнь?»

Решить этот вопрос Гардин смог только после войны, когда вплотную начал работу над своими воспоминаниями.

Война пришла на нашу землю, когда Владимиру Ростиславовичу было уже шестьдесят четыре года. Но и в этом он сполна познал все ужасы современной машины уничтожения людей. Ему, пережившему Первую мировую и Гражданскую войны, было очевидно: в июне 1941 года война сразу и непосредственно коснулась всей массы соотечественников. Эта война Гардина испугала:

«О страхе писали многие, и все переживали это тягостное чувство, конечно, каждый – по-разному, по-своему. Я был далеко не из храброго десятка, и с детства мурашки бегали по

моему телу, кровь если не застывала в моих жилах, то часто переменяла свой таинственный ритм, когда опасность для жизни становилась или реальной, или возможной.

А тут – война!

С затаенной радостью сообщающих первыми о необычайном событии звучали детские голоса Кириюши, моего племянника, и его друга Леши:

– Дядя Володя! Германия на нас напала! Война!

И дни и дела, чувства и мысли закрутились, поскакали, сбивая друг друга, наворачиваясь друг на друга, как кадры плохо смонтированной кинематографической ленты в последнем сеансе, сверх программы. Посыпались речи и воззвания. Началась спешная мобилизация. Вести с фронта стали приходить, одна печальнее другой. Собирались на митинги...

На киностудии „Ленфильм“ режиссер Фридрих Эрмлер читал по бумажке горячие слова – очень тихим голосом...

Все ждали выступления вождя.

Через несколько дней он объяснил, что наша Красная Армия отступает только потому, что коварный враг напал без предупреждения, что мы не успели развернуть свои силы. Войну он назвал Великой Отечественной!

Гитлер начал наступление на Россию в тот же день, как и Наполеон в 1812 году. И так, через 129 лет история повторяется. Наполеон – Гитлер. Карикатуры, плакаты. Их было много и тогда, но теперь все стены домов заклеены ими, а все окна – бумажными крестами, звездами, палочками, ромбами, будто бы предохраняющими от разбития. Вся эта защитная графика – плакатная, газетная и оконная – рябит в глазах. Мысли путаются от противоречивых лозунгов и высказываний.

Сначала заговорили вожди.

Гитлер все сказал в своей книге „Майн кампф“. Как сказал, так и сделал.

Наши основы – драться на территории противника, быть самыми наступательными из всех наступательных армий и достигать победы малой кровью – опрокинула сила немецкого оружия в самом начале войны. И тут появился прямо противоположный лозунг: защищаться на своей земле и, отступая, уничтожать все. И так, вместо разгрома вражеской территории – ликвидация своей собственной. Диалектика!

„Наше дело правое – мы победим!“ – воскликнули многие вожди. Гитлер, Муссолини, Сталин, лорд Черчилль! Рузвельт загорелся от возможности торговать оружием, а японский император стал пристально наблюдать за событиями, чтобы сделать соответствующие выводы об Индо-Китае, Сахалине, Дальнем Востоке.

Кого же история посадит на щит? Трое против трех! Действие равно противодействию – закон вселенной. Тот самый закон, не дающий возможности восторжествовать утопическим теориям, какими бы материалистическими фиговыми листками они ни прикрывались. Все для власти! „Веревочка! Давай сюда и веревочку!“ В хозяйстве властолюбцев все пригодится.

Плакаты! Плакаты! Плакаты! Весь мир обклеился агитационными бумагами, от которых почти сразу остаются только оборванные клочья – да и то на несколько дней.

„Что ты сделал для спасения твоей Родины?“ – тычет на каждого пальцем удалой молодец со свирепыми глазами. Мне становилось неловко. По-видимому, я очень мало мог сделать, но зато – очень много пожелать своей неудачливой Родине: Свободу! Без равенства и братства!

Равенства во вселенной не существует. В братство я не верил. А свобода, хотя бы относительная, может быть. Да и должна быть! Даже звери свободны. Птицам я всегда завидовал: „Мы вольные птицы! Пора, брат, пора!“

Да, пора дать свободу слову и труду – всей духовной и материальной собственности человека на краткий миг его жизни. „Мы мошки, в летний день рожденные на несколько часов, чтоб без следа пропасть в пространстве вечно“.

„Довольно! Мы требуем свободы от ярма!“ – вот крик моего сердца, моей души, моего ума.

Война! В этой войне – конец всем стремлениям моей души, конец жизни... Я родился в 1877 году, в Турецкую кампанию. Она не была счастливой для России. Через 27 лет Японская война принесла России поражение, 1914 год был роковым для династии Романовых и несчастным для России – она вновь была разбита, и на этот раз окончательно. Брестский мир! Самый позорный в истории моей Родины.

Война гражданская! Она не окончилась и сегодня. Если основная характеристика всякой войны – убийство одним или несколькими людьми тоже одного или нескольких людей, то у нас она не прекращалась. Только статистика поможет узнать, какое количество граждан истреблено в нашей стране за эти годы.

Финская война бесславно началась и так же бесславно закончилась зимой 1939–1940 годов. И вот в 1941 году началась война с Германией и мобилизуемой ею Европой. Шестая война в моей жизни! Конечно, самая страшная! Вот и не слышны уже голоса мальчишек, радовавшихся ее началу. Наступили первые дни осени, а Ленинград уже дымится от сотен бомб, он уже в кольце окружения, начинается голод...

Тотальная война! Война на уничтожение городов, жителей, войск. Об этом чудовищном извержении человеческой ненависти будут писать многие историки и литераторы. Блокада Ленинграда и его окрестностей, уже уничтожившая сотни тысяч людей, и непрерывная бомбардировка города, начиная с 8 сентября 1941 года. То, что было в этот ужасный день, многим придется запомнить до конца жизни...»

Гардин писал это в январе 1942 года карандашом – чернила на морозе замерзали. Ночевал он в это время то в городе, присматривая за своей квартирой-музеем, то на даче, где потеплей.

«Лисий Нос. Поселок на Финляндской железной дороге. Я сижу в своей комнатурке и топлю печь. В персидском медном подсвечнике торчит огарок расплывающейся свечи. Выгравированные царевны в четырехугольных шапочках залиты воском. *(Так Гардин пишет сам. Вообще же о жизни супругов Гардиных и их даче написано много в каждой книге о Лисьем Носе. – А. Б.)*

Оставшийся кусок черного хлеба торчит из коричневого глиняного горшка, когда-то наполнявшегося сливочным маслом. Это – мечта ленинградцев. Несбыточная... За декабрь остались на руках у погибающих от голода людей масляные купоны с цифрами „10 г в день“, а за январь выдали по 50 граммов на карточку.

Вчера Сергей Михайлович, молодой талантливый конструктор, работающий на оборону, приходил к Татьяне Дмитриевне просить труп нашего Трефа, подохшего от голода. Вырыл его из-под снега и понес жене и дочурке. Есть-то нечего. Сегодня он ушел в город за 26 километров пешком – поезда не идут, угля нет.

На дороге в город лежат трупы умерших от голода или ограбленных. В самом Ленинграде люди гибнут тысячами. Раньше встречались гробы на каждом шагу. Теперь везут на саночках, иногда на фанерном листе покойников, завернутых в тряпки.

Чистенький молодой человек, лет под 40, прекрасный фотограф Г. Маак погиб от голода. Он приходил ко мне за два дня до смерти. Спасти его было уже невозможно... Мать не хотела хоронить сына – дорого. Могилу рыть берутся только за полтора-два кило хлеба. Это 600–1000 рублей по коммерческим ценам.

– Дорого, – говорила она, выпрашивая у Татьяны Дмитриевны макарон. – Очень дорого. Откуда же взять хлеба или денег! Придется подождать смерти мужа – он совсем плох. Тогда положу их вместе в одну могилу, а сама повешусь.

Против нас на даче, где семья инженера питается нашим Трефом, лежит в одной из комнат труп известного музыкального критика, родственника несчастной семьи инженера, готовящейся к тому же, если их не спасет эвакуация на грузовиках...

„Голод... Голод... Голод...“ Я когда-то ставил эту картину в 1921 году. В Москве. Приехали на голодный пункт. Снимали умирающих. Жутко... Но голод 20–21-го годов – это сказочное обжорство сравнительно с ужасом погибающего Ленинграда.

Говорят, спасение близко. Вот-вот прорвется кольцо, сжимающее город, как удав свою жертву, в смертельных объятиях. Но время идет... Ждали в декабре. Но прошел уже январь. И последняя надежда на спасение для немногих оставшихся живыми – февраль. А если и она сорвется? В марте мне будет очень трудно, а в апреле, может быть, совсем плохо. Но теперь не живут даже неделями, а только днями.

Возможно ли укорять человека, спасающегося при гибели корабля, что он раньше другого занял место в лодке или на плоту, когда его близкий сосед не успел вскарабкаться и начинает, быть может, тонуть? Так было и с нами, когда вокруг нас разбушевалась стихия с невиданной силой... Я при нашем кораблекрушении остался за бортом спасательной лодки и теперь плыву по течению, ожидая неизбежного конца. Мыслям о приближающейся смерти – или от голода, или от бомбы, или от весенних эпидемий – надо что-нибудь противопоставить».

В эти страшные для всех дни Владимир Ростиславович слагает единственное дошедшее до нас стихотворение:

Когда смотрю в туманный след
Кружившихся со мною вереницей
Красивых дней, как маков цвет
Засохших в год, пылающий зарницей
Проклятой злобы и вражды,
Я вспоминаю все: все прежние обиды
И милой юности мечты,
Головку вздорной златокудрой Лиды,
Суровый, жесткий крик отца,
Сиденье часовое за тетрадкой,
Побеги с черного крыльца,
Приход домой на цыпочках, украдкой...
Себя во сне я вижу, что лечу
По полю ржи навстречу к ней...
Я долетел, остановился и молчу —
Нет слов, мольба в душе моей.
Прощайте, дальние года!
Летите пестрой, звонкой стаей мимо,
Чтоб не осталось и следа
От прошлого, что так неумолимо
Уплыло в вечность навсегда.
Зачем страдать уплывшими мечтами,
Ловить в цветном узоре глаз —
Закрытых, полных сказочными снами,
Их фантастический рассказ?

Через четверть века после кончины Владимира Ростиславовича мне удалось напечатать о нем небольшую статью в «Вечернем Ленинграде», а потом выступить в «Пятом колесе», передаче на ленинградском телевидении. Писал и говорил я о печальной участи людей нескольких последних поколений: говорить не то, что думаешь, и думать не так, как тебя заставляют. Первому, в частности, учил меня Гардин, второе же подсказывала жизнь.

Возможно, из-за этого и не сохранились в моей памяти политические высказывания, оценки, анекдоты, слышанные от дяди Володи, у которого в детстве я дневал и ночевал, а после ареста отца и жил долгое время.

Собственно говоря, Владимир Ростиславович в ряде случаев характеризовал двуличие как необходимость выполнения правила: «С волками жить – по волчьи выть». Но чтобы самому не стать волком, он стремился считать волчий вой исполнением неприятной роли в неинтересной пьесе. Утешая меня, семнадцатилетнего, после отказа в приеме документов для поступления в Мореходное училище из-за политической судимости отца, он говорил:

– Наш великий вождь учит, что политика партии должна быть настолько гибкой, чтобы обойти все и всякие подводные камни на пути к поставленной цели. И партия успешно выполняет разработанное еще святым орденом иезуитов правило: «Цель оправдывает средства». Поэтому Вы вполне можете достигнуть поставленной цели стать моряком, применив простейшее средство: не вписывать в анкету сведения о судимости отца по статье 58 и делать во время бесед вид, что Вы об этом ничего не знаете. Пусть это будет Вашей ролью для достижения цели по методу того, чьи ученики и последователи не дают этого достигнуть.

Не знаю, о чем говорил с начальником Военно-морского инженерного училища Владимир Ростиславович после совета помалкивать о репрессированном отце, но документы для поступления и сдачи экзаменов в училище имени Дзержинского у меня приняли.

Через много лет, когда «отец всех народов» был развенчан, а мой отец официально реабилитирован, некоторые ортодоксы упрекали меня в нечестности в юные годы. Я отвечал им, что при моей честности тогда мы не могли бы беседовать о ней теперь. О том, что эти ортодоксы славил Иосифа Виссарионовича тогда и проклинали теперь, раз это было им велено, я не напоминал. С ортодоксами всегда надо играть роль.

Всю жизнь и долгую военно-морскую службу я старался быть честным во всем остальном и, думаю, был честным. Но двуличие по отношению к идеологам и надсмотрщикам, сформулированное и оправданное Гардиным, мучало меня всю жизнь и всю службу. И не из-за вопросов ортодоксов. Но как сложилась бы моя жизнь, не послушайся я в первый послевоенный год Гардина, не знаю.

До Октябрьской революции В.Р. Гардиным-режиссером было поставлено 43 полнометражных «немых» художественных фильма, в том числе «Ключи счастья» (1913 г.), «Крейцера соната» (1914 г.), «Анна Каренина» (1914 г.), «Дворянское гнездо» (1914 г.), «Война и мир» (1915 г., 2 серии). Как актер он снялся в 50 ролях. Наиболее значительные из них: Наполеон в «Войне и мире» (1914 г.), мастер Бабченко во «Встречном» (1932 г.), Порфирий Головлев в «Иудушке Головлеве» (1933 г.), князь Верейский в «Дубровском» (1935 г.), граф Толстой в «Петре I» (1937 г.), директор в «Человеке в футляре» (1938 г.), Бах в «Антон Иванович сердится» (1941 г.). Первым из киноартистов В.Р. Гардин удостоен званий «Народный артист РСФСР» (1935 г.) и «Народный артист СССР» (февраль 1947 г.).

Умер В.Р. Гардин у себя дома на Потемкинской улице 28 мая 1965 года в возрасте 88 лет.

Жизнь артистов⁴

Здесь приводятся выдержки из 22 тетрадей дневниковых записей Татьяны Дмитриевны, урожденной Булах (1904–1973), в замужестве – Гардиной. Сейчас они хранятся в ЦГАЛИ в фонде В.Р. Гардина.

Татьяна Дмитриевна родилась в семье военного врача Дмитрия Георгиевича Булаха и купеческой дочери Ольги Яковлевны Акимовой-Перетца. Купец Яков Иванович Акимов-Перетц был сыном грузового извозчика Ивана Ивановича Акимова, происходившего из села Глазово Козельского уезда Калужской губернии, это село есть и сейчас, оно находится к западу от Козельска, у границы Смоленской области. Сын Ивана Акимова Яков служил в Петербурге мальчиком у торговца Перетца, богатого, но бездетного. Тот назначил Якова своим наследником с условием прибавления к его фамилии Акимов своей. Получилось Акимов-Перетц. Позднее, 14 октября 1983 года, Санкт-Петербургская казначейская палата (дело за № 4004) «предоставила ему именоваться по фамилии Акимов (он же Перетц)». Яков Иванович был петербургским купцом II гильдии, владел гастрономами, бакалейными лавками, несколькими домами. О нем рассказано в историческом справочнике М.Н. Барышникова «Деловой мир Петербурга» (СПб.: Logos. 2000).

В семье Георгия Булаха было четыре сына (Егор, ум. в 1918 г.; Николай, 1867–1940; Дмитрий, 1872–1922; Иван, род. в 1874 г.) и дочь (Наталья, род. в 1877 г.), в семье Якова Акимова-Перетца – пять сыновей (Михаил, ум. младенцем; Александр, 1865–1933; Иван, 1866–1898; Константин, 1862–1921; Дмитрий, 1879–1936) и четыре дочери (Мария, 1867–1950; Елизавета, 1872–1942; Ольга, 1874–1943; Антонина, 1876–1942). В 1917 году все они были в возрасте старше 30 – 40 лет. Умерли от голода и болезней пятеро, уехали за границу трое. Пострадали их дети и внуки: пятерых большевики расстреляли, одного затопили в барже вместе с другими арестованными. Так что обе семьи вошли в новый мир с заметными потерями.

В последние годы жизни отец Татьяны Дмитриевны служил главным врачом в военном госпитале где-то у Смольного. Его книга по медицине есть в фонде Российской национальной библиотеки. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Родословная и жизнь его семьи в 1910–1920-е годы описаны в книге старшего брата Татьяны Дмитриевны Глеба Булаха «Молодость, ты прекрасна» (СПб., 2008). Небольшие отрывки из нее опубликованы в журнале «История Петербурга» (2005. № 6. С. 43–48). В них живо воссозданы оптимизм молодости и картины артистической среды, в которой жили брат и сестра, Глеб и Татьяна. – А. Б.

⁴ Т.Д. Булах-Гардина, 1926–1959 гг.

Дом деда Т.Д. Булах-Гардиной, Якова Ивановича Акимова-Перетца, на Забалканском пр., 1

Чемоданчик с архивом Т.Д. Булах-Гардиной

Страница из альбома Т.Д. Булах-Гардиной

Я становлюсь актрисой

1 ноября 1926. У Мгеброва поставили пьесу А.И. Маширова «Вихри враждебные» о подпольной типографии. Играли уже на фабрике Тиритона и на текстильной у Обводного канала – «Работнице». Зрители принимают с интересом, даже реплики подают и подсказывают актерам, как им поступить. Я играю девчонку-наборщицу. А в пьесе Бернштейна «Жена не жена», тоже революционной, я играю гражданскую жену Мгеброва, проповедующую антирелигиозные взгляды. Первый спектакль прошел хорошо, а на второй пришла мама, и чтобы она не рассердилась на меня, я все свои монологи сказала только на тему женского равноправия, нигде не затронув церковь. А в зале был автор. Он, толстый, неряшливый, лохматый, ко мне всегда относился крайне нежно, стал расспрашивать, что со мной сегодня случилось. Я наплела, что вдруг закружилась голова, и все слова роли из нее вылетели. А потом актеры объяснили ему, в чем дело, и он не рассердился.

Д. Шостакович. 1923 г. Портрет работы Б. Кустодиева

Был у Мгеброва очередной вечер. Обычно я не хожу, противно видеть пьяных, а в этот раз мы еще кончали репетицию, когда пришел Славинский и привел с собой удивительного мальчика. Худенький, маленький, весь какой-то белый и движется, как деревянный Пинокио. Одет в черную бархатную блузу, а вокруг шеи – шелковый широкий шарф, завязанный бантом. Носик у него остренький, ротик, как ножичком прорезанный. Я, когда танцевала с ним и близко заглянула в его глаза – увидела в них напряженную мысль. Как будто в зрачках свитую спираль. И потому не очень удивилась, когда за роялем он ожил. Но то, что он играл, мне не понравилось. Я люблю нежную или могучую музыку, а он играл что-то разнбойное и непонятное. На другой день мы с ним ходили слушать оперетту Славинского «Просперити». Это очень трудная штука. Актеры дергались, как в судорогах, декорации и

костюмы Борисовича резали глаза меньше, чем уши, музыка то скрипучая, то гремучая, то визгливая и всегда злая, бездушная. Мальчик – его звали Митя Шостакович, со мной не согласен. Он говорит, что надо слушать ритм, что в Америке живут люди именно в таких судорожных ритмах, что надо выскочить из плавности, искать новое. Мы спорили от угла Невского и Мойки, где шла оперетта, до моего дома, но Шостакович оказался таким упрямым, что, уходя, посмотрел на меня колючим взглядом и, еле разжав свои губы-лезвия, сухо выдал: «Спасибо, прощайте». Жаль, что он рассердился на меня. Есть в нем что-то умное, и мне хотелось бы подружиться с ним. Мы почти одних лет. Отец у него тоже умер.

Азя (Адя) Розе в детстве

А потом у Мгебровых был и даже прокатил меня на своей упряжке из северных лаек писатель Виталий Бианки. Вот радостный человек! Глаза так и греют, так и смеются, черные кудри пляшут, руки сильные, подвижные, словно помогают ему рассказывать его сказки.

Сейчас у нас каждый день спектакли в разных местах города, и времени нет писать дневник каждый день. Почти всегда домой прихожу пешком. Иногда денег на билет нет, а чаще, когда кончаются спектакли, уже не идут трамваи.

2 января 1927. Я никуда не пошла встречать Новый год. Мама ушла к тете Лизе (Елизавете Яковлевне Сидоренко, урожд. Акимовой-Перетц. – А. Б.) – куда-то играть в преферанс, а я затопила печку и вдруг вспомнила, как с Азей часами глядели в огонь и молчали мы, и не было нам скучно. Сами собой написались об этом стихи. Азя пишет мне, но уже бесконечно далекий, из мира, который я не знаю. Разлука наша была неизбежной. (Здесь говорится о соседке по дому на Греческом проспекте друге детства Аде, или Азе, Розе из семьи Лениных. Они полюбили друг друга, уехали в Сочи к тете Мане – Марии Яковлевне Гордон, урожденной Акимовой-Перетц, чтоб жениться вдаль. А.Л. Гордон – муж тети Мани – советовал им послушаться их любви, но Ольга Яковлевна была категорически против и добила своего. Вообще же Розе много раз упоминаются в дневниках Татьяны Дмитриевны. – А. Б.)

Я Новый год встречала без тебя.
С камином – другом одиноких бдений,
И мягкой пеленой окутали меня
Воспоминанья, или сновиденья?
Ласкаясь, пламя трепетным кольцом
Последние дрова, свиваясь, охватило
И отблеском – на миг – как жизнью озарило
Портрет, где ты стоишь с сияющим лицом.
Ты не поверишь мне, что я всегда одна,
Что люди для меня утратили значенье,
Что жизнь моя – как осень – холодна,
И как осенний лес – полна опустошенья.
И как в лесу порой мелькает яркий клен,
Один оставшийся в торжественном уборе,
Так в сердце у меня, глубоко затаен,
Все отблеск светится давно угасшей зори.
Вот Новый год настал. Но что он для меня?
Передо мной углей последнее дыханье
Да робкая игра их бледного мерцанья
В смеющихся чертах любимого лица.

30 февраля 1927. Играли премьеру «Лес» Островского. Роль Аксюши по мне. Гурмыжскую изображает бывшая гранд-кокет Дорманс. Она очень старая, вся в морщинах, но такая живая, подвижная – как молоденькая. Она уговаривает меня пойти показаться кинорежиссерам. Обещает сказать, когда будет просмотр актеров на новую картину. Она сама все время снимается в какой-то «массовке». Я кинокартин почти не смотрю – чуть не каждый день занята в спектаклях. А потом Мгебров поручил мне поставить спектакль по пьесе Владимира Михайловича Бехтерева «На рассвете». Она в стихах. Одну из ролей я сама играю. Много пафоса, а надо оживить текст, кое-что в нем изменить. Вчера я ездила на Каменный остров, где живет Бехтерев. Он психиатр. Когда-то у него учился мой папа. Приехала я днем.

Деревянная дача-дом. Около крыльца колот дрова какой-то старичок – оказалось, брат доктора, нет – профессора! Провел он меня в большой кабинет. Стены в нем из черного дерева. Горят в камине поленья. За письменным столом вижу человека с длинными седыми волосами. Одна прядка на лоб спускается. Очень красивый весь. И лоб, и брови лохматые, и карие глаза. А улыбнулся мне – и я вся к нему так и потянулась. По телефону ему уже сказали, зачем я приеду.

– Ну, говорите, барышня, что Вы от меня хотите?

– Владимир Михайлович, можно ли мне переправить кое-где Ваши стихи, чтобы легче было их читать? И сократить немного.

– Что хотите, то и делайте. Когда будет спектакль?

– Через неделю в Соляном городке. Вы обязательно приезжайте.

– Хорошо.

Вошли красивая женщина с рыжими пышными волосами и девочка. Они попросили, чтобы оставили несколько билетов. А Владимир Михайлович вдруг оживился, начал меня расспрашивать о постановке и рассказал о том, как студентом писал эту пьесу-поэму и какая это была замечательная пора – юность! А я сказала, что мой папа – его ученик. И про дядю Костю тоже рассказала. Он вспомнил папу, а дядю Костю (*Константина Яковлевича Акимова-Перетца. – А. Б.*) и дядю Алешу (*Алексея Яковлевича*) Галебского – тети Тониного (*Антонины Яковлевны, урожд. Акимовой-Перетц. – А. Б.*) мужа, оказывается, знал совсем хорошо. Меня напоили чаем и приглашали еще приезжать. Очень милые люди. А старичок Николай Михайлович, который колот дрова, проводил меня. Я и его пригласила на спектакль. Очень потом волновалась, чтобы получше связать текст у наших молодых актеров. Действия там, в пьесе, почти не было. Надо было так поставить, чтоб заинтересовать зрителя, чтоб вышло начало, было бы нарастание и быстрый конец. Генеральную мы сыграли на Обводном в большом клубе против Варшавского вокзала.

В Соляной переулок приехали все Бехтеревы, Славинский, Маширов и еще много разных людей. У нас был еще потом концерт, а то пьеса коротенькая. Я попросила Славинского перед началом сыграть на рояле тревожную музыку. А монолог кончала под торжественные аккорды. Странно сказать – но Бехтерев не меньше меня волновался. В общем, был в этой пьесе какой-то свежий порыв. И публика его почувствовала. Но с концертом она не вязалась, и, вероятно, больше у нас идти не будет. Я первый раз режиссировала. Это очень интересно. Но только актеры меня не слушаются.

19 марта 1927. Вчера Дорманс мне сказала, чтобы я ехала на кинофабрику, на Каменноостровский проспект, 10. Там мне дали пропуск к Сергею Николаевичу Попову. Я, когда волнуюсь, делаюсь какой-то самоуверенной на вид, а внутри все напряжено и настороженно. Я боюсь пропустить что-нибудь мимо ушей или глаз. Он только посмотрел на меня, велел записать мою фамилию для просмотра, когда приедет режиссер.

30 марта 1927. Мы опять совсем без денег и часто ужасно есть хочется. А главное, в квартире холодно – нет дров. Опять играли у Рыкова. От кольца трамвая 31 – на круглой площади за Строгановским мостом, повезли на розвальнях. Это очень весело было.

По-прежнему я радуюсь весне
С ее тревожными ночами,
С ее очаровательными днями,
С горбатым льдом, шуршащим на Неве,
С открывшейся над облаками далью
И воробьев веселой болтовней,

И с сердцем, тронутым печалью
О юности, простившейся со мной.

6 апреля 1927. Скорее бы приехал режиссер. Может, он и выберет меня.

23 апреля 1927. Меня вызывают на кинофабрику 3 мая. Приедет режиссер, и будут пробы актеров на роли в картине «Кастусь Калиновский». Какие это «пробы», я не знаю. Никто из моих знакомых не снимался для кинематографа.

«Кастусь Калиновский»

18 февраля 1930. Петра Лаврова, 60. Я перестала писать свой дневник с тех пор, как в мае 1927 года получила ведущую роль в фильме «Кастусь Калиновский». Постараюсь вспомнить, как это было. На кинофабрике меня вызвали в кабинет режиссера Гардина, там сидело несколько разных людей. Перед стеной стояла какая-то из черного бархата рама, изнутри вся в лампочках. Меня поставили за ней, и один из людей начал говорить, что я должна себе представить, как передо мной по улице едет на казнь мой жених.

Т. Булах и В. Гардин. Кинопроба. 1927 г.

– Сперва смотрите налево, ведите взгляд перед собой до крайней правой точки и постарайтесь понять, что в это время должна переживать девушка, которую вы хотите играть.

Я настроилась так, что из глаз потекли слезы. Мне сказали «довольно». Потом спросили, где я училась, где работаю, сколько мне лет. Велели прийти на другой день снимать «пробу». И тогда я познакомилась с Владимиром Ростиславовичем Гардиным. У него были очень пронизательные, блестящие глаза; он разглядывал меня до самых пяток. Мне сразу стало интересно его слушать. Таких, как он, я еще не встречала. Вероятно потому, что сильных людей не видела. Гардин сказал, что я буду играть роль Марии – невесты Калиновского. А потом вокруг меня закрутилась уйма людей. Раскрашивали, слушали, разглядывали. А консультант по картине товарищ Дылло сказал, что мне надо посмотреть белорусских девушек прежде, чем играть одну из них. И меня командировали в Минск. Там я должна была

подобрать для себя и других актрис костюмы в театре, зарисовать нужные для съемок улицы, перенять манеру держаться у крестьянских девушек. И все это в четыре дня. Дали мне 50 рублей денег и билет до Минска. Такого чуда еще со мной не было.

Возбужденная, необыкновенно гордая своей ролью, счастливая тем, что впереди, отправилась я в путь. Только что усевшись в вагоне и развернув газету, прочитала под стук набиравшего скорость поезда отпечатанные крупным шрифтом известия: «Наводнение в Белоруссии. Поезда идут кружным путем с опозданием на сутки» и ниже: «Зверское убийство полпреда Советского Союза в Польше тов. Воинова, террористическое убийство начальника НКВД в Минске». Переглянувшись с соседями, увидела, что они так же испуганы, как и я. Минск на границе Польши. Вдруг война? Что делать? Сойти с поезда и вернуться домой? Струсить? Нет. Стыдно. Раз взяла поручение – значит, надо ехать.

И вот потянулись справа от поезда залитые водой поля. Где было помельче, стояли по брюхо в воде коровы. Нелепо торчали крыши домов с мертвыми трубами, шесты с колесом, в котором недоуменно глядели из своих гнезд аисты. Наблюдать из окна девушек мне не пришлось, хоть по совету тов. Дылло я глядела во все глаза. Их не было.

В Минске я застала тревожную суету. С кинофабрики все уехали снимать место смерти начальника НКВД Голубева. Дрезину, в которой он куда-то ехал, пустили под откос, убив перед тем его самого и тех, кто с ним был.

Город оказался грязным, тесным. От вокзала я тащилась на конке, с удивлением читая объявления на ее стенке: «Гражданам предлагается в случае схода тележки с рельсов выходить и помогать кондуктору, а если путь в гору – то лошадям». Кони были такие тощие, что на прямом пути еле тащились в гору, ползли, а под гору чуть не падали на передние ноги. Или лапы? Не знаю, как надо говорить про лошадей. Меня просили записать подходящие для съемок места. Но когда я стала зарисовывать план крепости, меня арестовали солдаты. Привели к коменданту, он поговорил со мной и отпустил.

Т. Булах в роли Марили

Самое страшное было сидеть на вокзале и ждать, когда пройдет митинг перед гробом Воинова. Я чувствовала себя такой несчастной, испуганной, чужой толпе людей перед убитым человеком, лицо которого белело в цветах открытого гроба. С каким облегчением я забралась в купе и услышала перестук колес! А через неделю я выехала в Минск через Москву уже со всей группой.

Съемки начались в деревне Новый двор. Первый раз я была в крестьянской избе, встречалась с ее хозяевами у них в доме. Впечатление осталось ужасное. Духота, жесткие слежавшиеся сенники, полные клопов и блох, кругом мухи, слепни, уборной нет – я не могла никак объяснить, что же это такое. Хозяйка посылала меня во двор, я искала там и не находила то, что надо. Тогда она проводила меня к двери ближнего сарая и сказала: «Вот, здесь». Я шагнула и попала в какую-то жижу, тотчас замычали коровы, все кругом зашевелилось, зашуршало. Я испугалась и в полном отчаянии выскочила обратно. Тут меня увидел наш администратор.

Гардин присматривался ко мне. Бродил за мной великан Комиссаров, игравший моего брата. Симонов обращал внимание только во время наших сцен. А Ливанов вежливо и холодно оглядывал всех нас – манера большинства актеров МХАТа среднего поколения. Но все это не мешало мне со страстью впиваться в свою роль. Мне доставляло наслаждение открывать все свое сердце, полное переживаний моей Марили, перед киноаппаратом, ручку которого крутил Аптекман. Очень это был милый человек – мой первый оператор. Особенно сильной и дорогой мне была сцена казни Малиновского. Симонов был прекрасен на эшафоте, и настоящее горе переполняло мне сердце. Вино мне не понадобилось, чтобы лить слезы (Аптекман советовал мне применить это средство). А веселые съемки на базаре, где великолепно сыграл артист Борис Платонов, я провела с огромной радостью и впервые увидела себя на экране именно в этой сцене. До чего было удивительно видеть себя со стороны! Свои руки, улыбку, всю себя!

Т. Булах и Б. Платонов. 1929 г.

Кадр из кинофильма «400 миллионов»

Я жила совсем новой полной жизнью, и около меня все время был Гардин, помогал мне, следил за мной. Иногда мне было в тягость его внимание, связывающее меня с ним. Но чаще я переставала быть настороженной к нему, потому что его пятьдесят лет успокаивали мой обычный страх к поклонниками. А кончилось тем, что я привыкла к нему. Когда Гардин в первый раз попросил меня стать его женой, я подумала, что он шутит, и рассмеялась. Он сказал, что я просто буду жить в одной с ним квартире, и он не войдет в мою комнату, если я это не захочу. Долго писать о том, с каким терпением и настойчивостью привязывал, приучал меня к себе Владимир Ростиславович. В конце концов я уже не представляла себе будущее без него, жалела, что он один прожил свою жизнь, и любила его самой настоящей любовью. Венчались мы в церкви. Подробнее не буду я писать.

Свадьба состоялась 13 октября 1927 года, жена приняла фамилию мужа, но обычно называла себя Татьяной Булах или Булах-Гардиной.

Супруги поселились в комнате в доме № 60 по Фуритатской улице, в квартире № 1, где жил кто-то из Галевских. Антонина Яковлевна (сестра матери Татьяны Дмитриевны) была замужем за Алексеем Яковлевичем Галевским. Тот имел братьев – Романа и Леонида. Именно из этой квартиры Гардины переселились в свою большую отдельную квартиру в соседнем доме на углу Фуритатской и Потемкинской улиц (дом № 62/9). Судя по одной дате в дневнике Татьяны Дмитриевны, это случилось не ранее 1930 года, на мемориальной доске указан 1928-й год.

В фонде В.Р. Гардина в ЦГАЛИ имеются интересные письма 1935 года Гардиным от Романа Яковлевича Галевского и его жены Наташи, балерины. Письма пришли из Оренбурга и Куйбышева, куда тех отправили, так сказать, в ссылку из дома № 60 на Фуритатской улице. – А. Б.

Мама была в полном отчаянии – за месяц до меня, не предупредив нас, женился Глеб на своей сослуживице Люсе Родэ, очень настойчивой немолодой девушке из Одессы (а было

ей 27 неполных лет. – А. Б.) Так что мама осталась одна. Правда, я даже в день свадьбы вечер провела с ней. А потом началась моя жизнь вдвоем. У Гардина была частная студия. Я помогала ему заниматься с будущими актерами. В 1929 году у Глеба родился сын – Кирюша. Сразу же почувствовала в нем родного человека. Ну, что же еще было интересного за эти три года? Личного, женского и человеческого очень много я пережила. Может, потом буду вспоминать и записывать.

В. Блюменталь-Тамарин. 1910 г.

19 февраля 1930. Фурштатская 60, кв. 1. Просмотр «Мертвой души» принес Владимиру Ростиславовичу восторженные похвалы и перспективы новых ролей. Он счастлив возвращением к своей любимой актерской работе. Мне и завидно, и радуюсь я за него.

Вчера с Влад. Рост. и Марией Александровной Потоцкой были в мюзик-холле. Там играл их старый знакомый, по их словам, человек преступный, но великолепный актер Владимир Блюменталь-Тамарин. У него были сцены с женой Луначарского Розенталь. Она – великолепна и ослепительно обриллианчена. А он мне совсем не понравился. Уши оттопыренные, рот до ушей.

13 ноября 1930. На днях вернулись из Самарканда. Снимались мы с Владимиром Ростиславовичем в фильме «Окно в Азию» (потом переименовали в «Кровь земли»). Словно побывала я в совсем новом для меня мире. И очень много родного моей душе встретила я там. Восточные люди – созерцатели. Они и суетятся не так, как у нас. Не глубиной души, а только поверхностью. Машут руками, кричат, а в глазах что-то бесконечно далекое.

Я снималась в роли нищей узбечки. А ВР чуть не побили за то, что он «приставал» к их женщине. Я тогда обнашивала костюм. Не так легко ходить под сеткой. Все искажается, кажется темным, меняется перспектива даже на близком расстоянии. Евгений Червяков играл имама, у которого я искала утешения. Он был занят меньше ВР, игравшего главную роль профессора геологии, и мы ходили по городу, в кино и на концерты скрипачей. Червя-

ков умный, но зол на язык. Перед нашим отъездом мы попали в голодовку – нам перестали платить деньги. Случилось это по всей стране.

А дома у меня хорошо. Правда, живу я с мужем в одной комнате, большой, перегородженной шкафами. С мужем за поездку мы совсем сроднились.

17 ноября 1930. Вчера исполнилось три года с моей свадьбы. Хорошие три года. Мне интересно жить с Владимиром Ростиславовичем.

1 января 1931. Чем прошедший год запомнился мне? Очень сильные впечатления оставил Восток. Потом много передумала я и перечувствовала во время процесса Промпартии.

В нашей кинематографии кризис – нет пленки. В Союзкино сокращают 400 человек. Да и остальным скоро нечего будет делать. Владимир Ростиславович пишет о своей прошлой работе, и я ему помогаю.

6 октября 1931. Лето я провела одна – Вл. Рост. уезжал на три месяца в Баку сниматься. Основной фильм был неудачный, трудный – «Их пути разошлись» режиссера Донского, но снялся он там у великолепного режиссера Шенгелая в картине «26 комиссаров», и этот эпизод считает одной из лучших своих работ. Гардин вообще любит творчески темпераментных людей. С ними он загорается сам и творит в полную силу.

Третьяковская галерея. Москва, октябрь, 1932 г.

Демону Врубеля

Куда глядишь? Кого в лиловой дали
Ты ищешь омраченными очами?
Ты знаешь все. Глаза твои видали
Глубины мира. Слез они не знали,
Когда трагедии людские наблюдали.
Чужие всем, теперь полны печали —
Кого зовут бессонными ночами?
Холодный зал. Старуха у стены
Ждет с нетерпением закрытия музея.
Ей скучно сторожить страдания твои.
Из года в год томитесь вы одни,
Она – чтоб старости продлить седые дни,
Ты – цепи тяжкие разрушить не умея.

Иудушка Головлев

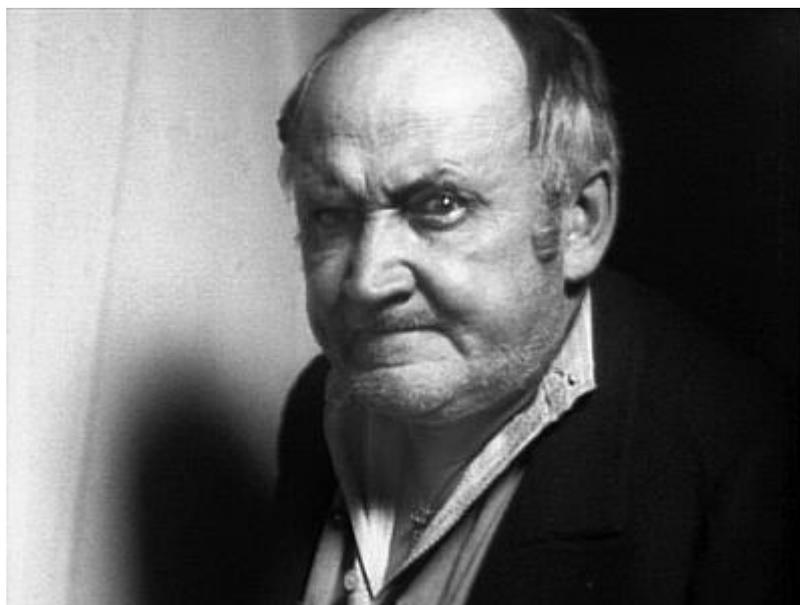
22 мая 1934. Ивановский пригласил сниматься в фильме «Господа Головлевы». Иудушку будет играть интереснейший актер Певцов. На пробах я волновалась до жути. Фильм звуковой, мне надо петь. Счастье, что я эти годы занималась у Александры Валериановны Панаевой, она училась у Полины Виардо, а художник Крамской написал ее портрет. Когда подходила первая съемка, Певцов сломал руку. Откладывать на месяц начало съемок было невозможно, Александр Викторович пригласил на роль Иудушки Гардина.

Владимир Ростиславович глубоко задумался над тем, как провести этот фильм. Вспоминал Горбунова, непрерывно вчитывался в текст словоблуда и боялся, что однообразие убьет образ, надоест зрителю. А как расцветить одинаковые по настроению речи Иудушки? И вот он без конца говорил то ту, то другую сцену, искал разных красок для интонаций, характерных ритмов. Нашими сценами он не занимался. В диалогах легче жить актеру, особенно если партнер отзывчив и достаточно темпераментен. А вот монологи надо делать.

Вл. Рост. за Иудушку получил звание народного артиста РСФСР и много новых договоров. А когда пригласили сниматься меня – дома начались изводящие сцены, я опять сдавалась, и теперь снова тоскливо, трудно жить, потому что нет цели впереди.

5 сентября 1934. Отдыхаю в Лисьем носу – там ВР получил участок, и мы строим жилище в соснах, на вереске и мхе. Ближе серое море, людей кругом мало. Хорошо. И так чудесно пахнут доски, разбросанные везде для стройки.

3 октября 1934. Опять не писала целый год. Что произошло за это время?.. Выстроилось Татьянино – так Влад. Ростиславович назвал наш дом в Лисьем Носу.

В. Гардин в роли Порфирия Головлева

7 октября 1936. Татьянино все еще строится. Но в доме уже одиннадцать комнат, есть курино-утиный двор с прудом. Кроме моего милого старика-сенбернара Урса я привела к нам голодавшего на цепи у плохого хозяина овчара Джека. Дом наш построен в пушкинском стиле. Много колонн и балясин, веранда вокруг всего здания, везде в нем закоулки и кла-

довки. Как будто это очень старинная усадьба, полная мечтательной дымки. Мне хорошо в нем, а было бы еще лучше, если бы не бешеная деятельность Владимира Ростиславовича. Он любит распоряжаться целой армией рабочих. Одни обшивают стены, другие настилают простым материалом крышу (дранкой, толем, железом), третьи роют ледник, четвертые разбивают парк. А дальше курятника – стометровый сарай, прачечная и высоченный сплошной забор вокруг всего огромного участка – Владимиру Ростиславовичу отвели три, по 180 кв. метров каждый. Так что покой бывает только с 8 вечера до 8 утра. Тогда тишина и радость. Гостят у нас мама, Глеб (*брат, Глеб Дмитриевич Булах. – А. Б.*) с детьми, Ксения (*двоюродная сестра, Ксения Платоновна Сидоренко. – А. Б.*) с мужем, масса знакомых. Вокруг меня всегда много людей.

Весною я сделала, вероятно, свою последнюю попытку вернуться в театр. Директор Александринки дал мне пробу в «Бесприданнице». Я рассчитывала провести ее на сцене, а пришлось играть в фойе. Между мною и собравшимися народными, заслуженными актерами было метровое расстояние. Крюгер с одной репетиции, вернее – читки, подыгрывал мне Паратова. Растерявшийся И.С. Москалев опаздывал со своей гитарой. Дневной свет делал совершенно невозможным для меня в этой обстановке уйти в образ Ларисы. Я все время слышала перешептывание зрителей, чириканье за окном воробьев. В руках я себя держала, и, по словам Веры Аркадьевны Мичуриной и Юрия Михайловича Юрьева, была «сценична, голос звучал хорошо, показала прекрасную дикцию, разнообразную интонацию, благородные манеры». Конечно, это утешительно, но ни своего темперамента, ни трагического образа Ларисы я дать в этой обстановке не могла. Все же Сушкевич, главный режиссер театра, предложил мне пройти с ним роль Марины и дебютировать уже на сцене в спектакле «Борис Годунов». Я согласилась, и Мичурина поздравила меня с возвращением на сцену, а Юрьев даже сказал, что видит меня в шекспировских ролях.

Но, к сожалению, в середине лета Сушкевича сняли с работы. Идти к новому директору, знакомиться с ним, снова волновать себя мне казалось трудным, тем более что роль Марины совсем не привлекала меня. А литературная работа тянула к себе всюю. Владимир Ростиславович приветствовал мое сидение за письменным столом. Словом, победили моя татарская лень, страх перед встречами с людьми. Сейчас уже осень с дрожащими ветвями деревьев, мокрыми небом и землей и острым холодным ветром. Владимир Ростиславович занят в фильмах «Петр I», «Соловей» и «Юность поэта». Но сценарии всех трех переделываются на ходу, и съемок у Гардина нет.

28 декабря 1936. Татьянано. Уже неделю я на своей даче. Зимы еще нет – ночами звездное небо, торжествующая луна, такая яркая в темном царстве – земля черная, деревья – тоже, и бездонная глубина неба. Все удивляются, что меня тянет сюда? А мне здесь не грустно, не скучно и не страшно. А в городе я остро чувствую тревожный ритм убегающей молодости. Здесь моя будущая жизнь кажется мне такой же длинной и ясной, как мои спокойные «татьянинские» дни. Вокруг меня нет раздражения и злости, отравляющих душу в городе. Если бы пришлось выбирать между городским домом и Татьяниным, я выбрала бы последнее. И знаю, что тогда моя жизнь не прошла бы бесплодно. Владимир Ростиславович на съемках. Как всегда в заботах и суете. Он не выносит тишины, у нас совсем разные ритмы.

7 января 1937. Смотрела в Александринке «Лес». Был 50-летний юбилей Веры Аркадьевны Мичуриной, и она решила сыграть Гурмыжскую. Провела она свою роль тонко, остроумно, мастерски. Но голос, а главное внешность, напоминали о ее возрасте, не подходящем для женщины, в которой еще живы пакостная, старческая, но страсть, уродливая, но ревность. Гурмыжская – еще женщина, Мичурина – уже останки, почти бестелесные. Кажется, что под кружевным платьем с пышными оборками – скелет. За игрой Мичуриной

следишь с наслаждением – так виртуозны, оправданны ее движения, интонации, паузы. В конце концов даже миришься с ее старостью. А вот Юрьев, играющий Несчастливцева, просто омерзителен. Вид пьяницы с гнусной рожей, опухшей, красной, мокрой, совершенно опустившегося и наглого. А ведь Геннадий Демьянин – дворянин, добрый душою, отзывчивый и глубоко страдающий от своей незадачливой жизни. Он может быть иногда смешон своим пафосом трагика, подражающего каким-то уходящим со сцены великанам, но омерзительным быть не должен никогда. А Юрьев с его бегающими глазками, кривящимся ртом, с лезущим во все щели нутром старого недоброго развратника мне лично портит все впечатление от спектакля. Стара, непривлекательна Рашевская-Аксюша, нарочиты Нелидов-Восьмибратов и его сын Калинин-Петр (правда, поет он очень хорошо), Жура Соловьев-Милон забавен, Горохов-Бадаев традиционен, хорош собой и прост Федор Платонович Богданов-Карп и великолепен Черкасов-Алексис. То ужом на хвосте извивающийся перед Гурмыжской, то мелкий пакостник около Аксюши, то глупый, то хитрый, то трусливый, то наглый, и все время в образе, убедительно и ярко ведет Черкасов свою роль. И так же захватывает своим мастерством, обаянием искренностью смешного, милого, гордого своим званием артиста Борис Анатольевич Горин-Горяинов. Его любишь, смеешься над ним с опаской, рядом с плутовством у него чувство собственного достоинства, внушающее уважение. Он весь живой, весь из жизни взятый – так же, как и Корчагина-Улита. И все эти трое – русские люди, а кто такие Юрьев с Рашевской, узнать нельзя. Просто актеры. А Мичурина – воистину русская барыня. Какие-то шуточки, чтобы показать это, она бросает в зал. Ее профессиональный уровень выше многих, и страшно, что уходит с ней неподражаемая манера элегантной игры старых актрис.

Б.А. Горин-Горяинов. Портрет работы Б. Кустодиева

9 января 1937. Татьянано. На душе у меня нестерпимо тоскливо. Чтобы не на глазах у людей переживать свою ипохондрию, приехала сегодня к своим соснам. В доме холодно-вато. Урочка встретил меня буйной радостью – чуть не валил с ног. Как просты, искренни животные, как легко с ними жить!

Я все думаю, что мне делать. Недостаток жизненного опыта ввел меня в непоправимое горькое заблуждение. Я думала, что пятидесятилетний мужчина, женившись на молодой девушке, будет до конца дней своих так же любить и желать ее, как она. Оказалось, это не так. А погасшее желание с одной стороны рождает отчужденность и холод. Мне страшно писать это.

10 февраля 1937. Сегодня день смерти Пушкина, и этот день оказался для меня днем такой радости, что я плакала и не спала всю ночь, почувствовала себя новой – вчера в «Известиях» напечатаны мои стихи. Целую страницу посвятили памяти Пушкина. Рядом с портретом работы Кипренского, справа от него – стихи «У радио» Татьяны Булах.

11 февраля 1937. Я как-то обалдела со вчерашнего дня от фильмов «Юность поэта», «Путешествие в Арзрум», от всего проникновения в жизнь Пушкина, в его эпоху, дни.

И, конечно, потому что я участвую в этом устремлении к Пушкину. Будто я вчера перешла какую-то границу своей жизни...

Когда молчат деревья и длинна
Их тень холодная на голубом снегу,
Унылым светляком плывет луна,
Небес подчеркивая мглу,
А с цепи рвется одичалый пес,
Взъерошив шерсть на выгнутой спине,
И заполняет сад седой мороз,
Скрипя в окаменелой тишине,
Я радио включаю и ко мне
Одна страна приходит за другой,
В фокстротном тлении, в сорочьей болтовне
Иль в песне радостной, раздольной и родной!
А иногда твоих стихов порыв
Наполнит радостью мой заснеженный дом,
И я слежу, дыханье затаив,
За каждой краскою, положенной чтецом.
Какое счастье в памяти беречь
Узорчатую сказку о Салтане,
Русалки тайну, и Руслана меч,
И облик милой горемычной Тани.
Сегодня радио несет ко мне печаль
Воспоминаний о твоей кончине.
Тенями траурными черная вуаль
Окутывает вечер синий,
Я чувствую, тревожна и бледна,
Какая боль вела тебя к дуэли.
И сумрачны за серебром окна
Луна, молчание и ели.
Пушкину
О, если бы ты сам читал свои поэмы
А мы бы слушали тебя,
Восторженны, благоговейны, немы,
За гений твой всего тебя любя,
Мы б жизнь твою от горя сберегли,
От колющих забот, от жалящей измены,
Разрушили б решетки, стены,
Душившие твои большие дни!
Зачем родился ты, когда чужая власть
Народом и тобой как хищница владела,
А не теперь, когда свободно, смело
Дышала б грудь твоя и песнь твоя лилась?
О, Пушкин! Сердца нет на родине твоей,
Которое твои стихи б не согревали.
Они везде, и с каждым днем родней

Их правда нам, их радость и печали!
11 февраля 1937 г., газета «Известия»

29 марта 1937. Творят люди в одиночестве, а наедине человек лучше, чем в обществе. Там он среди конкурентов... В группе меня преследует поэтесса Елена Вечтомова... подчеркивает недостатки моих стихов, приписывая их тому, что я из чуждого пролетарским поэтам общества, что я не работаю, а забавляюсь, и т. д. Только Холопов, Лифшиц, Шубин вступаются за меня, и руководитель группы Друзин, и Крайский. Как мне все это грустно и тяжело.

20 мая 1937. Дни ясные, теплые. Синее с утра небо к вечеру становится чуть голубоватым и сливается с луною. Зацветают клен, сирень и распустилась черемуха. Владимир Ростиславович увлечен достройкой дома, украшением сада. Мне хорошо с ним. Но болеет мой старый друг Урс. А в мире страшно, что происходит. Война в Испании. Фашисты. И в кино, и у писателей сумятица. Вредителями объявлены Корнилов, Гумандрин, Берггольц, Киршон, Афиногенов, Бруно Ясенский, Майзель, Горелов, Левин, Добин и даже герой испанских боев Кольцов! Кто из них левые, кто правые, разобрать мне трудно. А поэты и писатели среди них хорошие. Так что все равно жаль их.

17 июля 1937. Живу в Татьянине одна – Гардин уехал сниматься у Правова и Преображенской в «Степане Разине». 11-го объявили в газете об окончании следствия над Тухачевским, Уборевичем, Блюхером, Путной, Якиром и еще пятью военными. Тринадцать расстреляны.

Вдруг брата забрали в тюрьму

Тюрьма и вокруг нее

26 сентября 1938. С 19-го на 20-е арестовали Глеба⁵. Был тщательный обыск с 11 до 5 утра. Запечатали комнаты⁶, и спящего Кириюшу вынесли к тете Лизе. Написала Ежову и послала письмо через НКВД и через Наркомвод. Завтра семь дней с ареста, и я пойду справляться в НКВД. Говорят, очередь громадная. А потом – к прокурору, просить, чтобы открыли комнаты. А то где же жить детям? Он пошел в макинтоше, и меня беспокоит, скоро ли я найду, в какой он тюрьме, и смогу передать ему теплые вещи и белье. Вл. Рост. все еще мечется и гадает, будет ли у нас война или нет.

28 сентября 1938. Вчера с 9-ти до 4-х часов провела в очереди в НКВД, чтобы узнать, где Глеб. Дали справку, что он на Шпалерной, 25, и что 15/Х я могу передать ему деньги. Наслушавшись печальных историй о том, как небрежно или умышленно издевательски относятся к родственникам арестованных, я боюсь ждать до 15-го и пропустить очередь для приема передач на нашу букву в других тюрьмах. В Арсенальной принимают на «Б» 2-го числа, в Крестах – 11-го. Пойду завтра на Шпалерную и справлюсь, там ли Глеб. Устала я вчера жутко. И так трудно прождать шесть часов, а тут еще слышишь горести, слезы старух. На моих глазах трое из ждавших родных получили «путевки» на высылку в Челябинскую область.

⁵ Все перипетии судьбы Глеба Дмитриевича описаны им самим во второй книге его «Записок инженера» «Радость жизни. Тюрьма» (СПб., 2008) и в его же книге «Херсон. Путь в неизведанное» (Киев, 2004). Интересно и поучительно сравнивать то, что фактически происходило с ним в тюрьме, со словами прокуроров и следователей за ее пределами. – А. Б.

⁶ Речь идет о квартире № 1 в доме № 60 по улице Некрасова (бывш. Бассейной), в которой жили в то время две из сестер, урожденных Акимовых-Перетц – Елизавета и Антонина. В двух комнатах жили мои родители. Квартира тогда уже стала коммунальной, в ней были и другие, совсем чужие жильцы. – А. Б.

Глеб Булах. 1930-е гг.

2 октября 1938. Вчера была на Шпалерной. Пришла, встаю в очередь, мне говорят: «Раз не ваша буква, не стойте зря. Все равно, ничего не скажут. У них и списки в окне только на буквы „О“ и „Р“». Но я так боялась, что Глеб не здесь и что я пропущу свою передачу в других тюрьмах, что решила все равно ждать и пустить в ход все жалобные ноты в голосе, чтобы умилостивить коменданта дать справку. И действительно, к концу третьего часа получила ответ, что Глеб «здесь у нас, приходите 15-го передавать деньги». Шпалерная тюрьма – показательная. Здесь очень чисто. Через 5 дней – душ, через 10 – баня. Но прогулка только 15 минут и через 5 дней! Кормят средне, вернее – плохо. Денег позволяют передавать только 60 рублей в месяц и ничего больше! Ни белья, ни еды. Что с теми, кто сидит по году? Не знаю, кому нужно это страшное нечеловеческое горе. Дни опять чудные. 30-го мы были в Татьянино, ходили с В.Р. и Кирюшей по лесу за грибами. Я уехала вечером, чтоб не опоздать на Шпалерную. На фабрике нашей запустенье. Новый директор в Москве. Видела хороший фильм «Доктор Мамлок». Прекрасно играли Менжинский, Жаков и Меркурьев. Остальные – тоже очень прилично. И постановка (Рапопорта) реалистичная и остроумная. Ищу, ищу Кирюше брюки и нигде не могу достать. Зверские очереди или пустота на полках всех магазинов. Ничего нет. Фруктов тоже нет. Остальное есть (масло, мясо, крупы).

7 октября 1938. Вл. Рост. взял отпуск, чтобы иметь право сняться в фильме Белгоскино «Человек в футляре» за плату. Если бы он снимался не в отпуске, его исключили бы из штата Ленфильма. И неизвестно, приняли бы обратно. Засл. арт. респ. Пославского (?), снимавшегося где-то по окончании договора, обратно в Ленфильм не приняли. Он ушел в театр. Сегодня собираюсь с н.а. Юрьевым повидать его и Мейерхольда для переговоров о работе моей и В.Р. над «Царем Эдипом», «Овечьим Источником» и пушкинским вечером.

Думаю, что ничего из их затей не выйдет. Но пропустить возможность познакомиться со знаменитым Мейерхольдом не хочу. В.Р. на съемке, и я пойду одна.

12 октября 1938. Написала сейчас заявление коменданту тюрьмы с просьбой передать Глебу свитер и белье. Отнесу завтра. Может быть, фамилия Гардина или неожиданное милосердие помогут. А то стало уже сыро и холодно. Очень мне тяжело.

Была седьмого на вечере у Юрия Михайловича Юрьева. У него замечательная квартира, в два этажа, в доме Ленсовета. Мебель прекрасная, но картины – жуть! Четыре комнаты. Очень холодно и высоко. Были Мейерхольд, Райх, Кочуров, Вольф-Израэль, Вивьен и др. До чего мне понравился Вивьен! Какая веселость и мягкость обращения с людьми! Приглашу их всех к себе. Мейерхольд слушает вдумчиво, говорит четко, ясно и интересно. Больше молчит. Конечно, для него даром не прошло падение. Райх мне понравилась внешностью и простотой. Кочуров играл и пел свои «пушкинские» песни. Некоторые очень теплы и душевные. У него совсем нет голоса. Потому трудно судить об их красоте. О гардинском юбилее ни слуху ни духу. Неужто так и не станут его отмечать? Все новые у нас люди и в Союзе и вообще в кино. Влад. Рост. очень это печалит. Ведь 40-летний юбилей бывает раз в жизни. И обидно, если никто не заметит. Ну, пока все...

В. Мейерхольд и З. Райх

18 октября 1938. 14-го была с Гардиным и Каверзиным в Филармонии на вечере балета. В.Р. восхищался Дудинской. Мне кроме нее понравились, как всегда, Балабина и Сергеев. Очень забавно танцевала Иордан и сильно – Чабукиани. На другой день пошла делать Глебу передачу. Так нервничала, подходя к окну, так боялась услышать, что он болен, выслан, переведен. Стало мне так больно за посаженного ни за что ни про что Глеба, так оскорбительно за себя, вынужденную с мольбой и унижением смотреть на какого-то гада,

не желающего даже голову повернуть к людям, ждущим часами перед ним вестей о своих близких, что я разрыдалась и чуть не сутки не могла оправиться.

Вчера у нас были Каверзин, Васильев с Мясниковой, Вивьен с Вольф-Израэль и другие. Я пела. Вольф и другие удивлялись, почему не знали даже о моем пении. Играла я ведь тоже неплохо. Снималась, по отзывам многих, хорошо. Пишу. За пьесу хвалили разные люди. Стихи напечатали в «Известиях», выбрав из многих. И что же? К чему свелись все мои начинания?

23 октября 1938. Наступила ясная холодная погода. Думаю дня на четыре поехать в Татьянино. Сегодня там был В.Р. и наслаждался. Собак больно уж много у нас. Там три: Бурка, Джек, Найда, здесь две: Джан и Милый. ... В.Р. ... одинок и, когда не в запале, понимает и свою неправоту, и то, что кроме меня у него нет ни одного друга. Мне жутко в те минуты, когда я теряю в нем родного человека. Но иногда он злит меня и пугает одной-единственной справедливостью, при которой он думает о себе, жалеет себя и т. д. Но все-таки в нем больше хорошего, чем плохого. А главное, есть в нем ширина и свобода мысли. И гордость.

26 октября 1938. Вчера была у следователя Салонимского, в порту. Он ведет Глебино дело. Вообще следователи никого не принимают, но я написала ему и письмо, и, вероятно, фамилия и звание Гардина сыграли свою роль. Тов. Салонимский принял меня в хорошем кабинете. Предложил сесть. Сказал, что помочь передать Глебу теплые вещи не может. Передач никому не разрешают. Следователь был любезно радушен. Но настойчиво и внушительно сказал мне: «Ваш брат совершил государственное преступление», и на мои слова «Я ручаюсь за брата» сказал: «Советую ни за кого не ручаться». Внешность у этого товарища интересная. Блондин с хорошими чертами лица, приветливым взглядом и вьющимися волосами. Одна рука или изуродована ожогом, или отмечена красным родимым пятном. Я была спокойна, но говорить много было бессмысленно. Уверенность его тона сказала мне, что отзывчивости к человеку в нем не найду. Это агент, которому поручено найти в деле инж. Булаха состав преступления. Если бы он не нашел, его обвинили бы в недостатке бдительности и посадили бы самого.

Сегодня я ездила к прокурору Наркомвода. После Салонимского, сказавшего, что у Глеба не упущение по службе, не халатность, а государственное преступление, я перемучилась мыслями: что же подвели под Глебку?

22 ноября 1938. 15/ХІ делала Глебу передачу денег – 180 р. А вчера полетела к прокурору, узнала, что следствие протянется до января. Проверила, позвонив к следователю. Потом пошла к юристу. Домой вернулась еле-еле, температура 38о. А вечером были люди. Пришло извещение о Постановлении ЦК о праздновании юбилея Гардина. И вот у нас собираются и обсуждают, как его провести интереснее. Перепечатала и послала 1-му заместителю Ежова Евдокимову письмо и заявление о Глебе. Не знаю, куда, к кому еще броситься, чтобы как-нибудь помочь ему. Сегодня морозит. Хочу на два дня съездить в Татьянино.

15 декабря 1938. Сегодня делала Глебу передачу денег. Уже 16о мороза, а он все еще в летних вещах. И за маму тяжело, и за Глеба. Такая тревога и беспомощность! Ищу свидетелей в глебину пользу. Нелепая жизнь. И какие ждут еще впереди провалы, терзання, мрак? А будут ли радости? Боже мой! Жизнь-то ведь уже почти прошла. Скоро начнется доживание.

25 декабря 1938. С 15-го жестокие бесснежные морозы. Боюсь, что померзли мои сирени, фиалки, флоксы и розы. Жаль и трудов, и их красоты. Сегодня метет. Скорее бы снег закрыл землю. 23-го ездила в Татьянино. Замерзла до жути. Поезд опоздал и туда и обратно

на 1 ½ часа. В вагонах не топлено. И так будет всю зиму, потому что топливный кризис. Пол покрыт ледяной коркой: рвались отопительные трубы, и водой заливало вагоны. В этом году и у нас в доме холодно. А наверху дачи промерзли стены. Еще бы! Ведь холодило до 28о, без снега и на другой день после дождя! Все было сырым и теплым, и сразу Северный полюс!

Как-то Глеб? Я 19-го была у прокурора. Он как раз знакомился с заключением экспертизы. Предложил прийти через 10 дней и сказал, что в середине января будет суд, а вначале я смогу передать Глебу теплые вещи. Сегодня ездила и искала ему шапку. Ничего не нашла. Опять в магазинах торгуют только пуговицами, галстуками, сумочками. Никаких предметов первой необходимости. В Пассаже за шелковыми носками очередь человек в шестьсот. С провизией лучше. Но тоже очень скучно. А между тем фабрики обуви, трикотажа, текстиля работают в три смены. Но все идет или на военные заготовки, или за границу. Даже Гардин не может достать мне чулок. А ходил к директорам и Пассажа, и ДЛТ. Мама совсем без чулок. Да и у всех кругом с ними – швах. Я переживаю уже третий кризис ширпотреба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.